

Е. Ф. Писарева

ИСТОРИЯ РУССКОГО ТЕОСОФИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Возникновение теософического движения в России

До начала XX века теософия была совершенно неизвестна в России, несмотря на то, что её учения были принесены в западный мир русской женщиной. Это странное явление объясняется двумя причинами. В России в главе всех церковных дел, в числе которых находилась и цензура русских и иностранных изданий, касающихся религиозных вопросов, стоял обер-прокурор св. синода Победоносцев, наложивший запрет на всё несогласное с догматами Православной Церкви. Его влияние во время царствования Александра III было роковым для России; он был непримиримым фанатиком православия и самодержавия и сознательно строил стену между царём и передовым русским обществом. Его пагубное влияние продолжало после смерти Александра III направлять и политику молодого царя, Николая II, что вызвало затаённое недовольство и причинило горькое разочарование передовой России.

Второй причиной, почему теософия оставалось неизвестной в России, послужило то обстоятельство, что Е. П. Блаватская, родившаяся и воспитанная на юге России, но проведшая почти всю остальную жизнь вне России, была совершенно неизвестна в русских культурных слоях. Единственным источником сведений о ней и о её деятельности служила изданная в России книга «Современная жрица Изиды» Всеволода Соловьёва, её личного врага, который изобразил её в роли обманщицы и авантюристки, причём сделал это после её смерти. Благодаря этой книге ни один голос в России не поднялся на её защиту до 1906 года, когда появилась в переводе на русский язык первая её теософическая книга «Голос Безмолвия» с предисловием переводчицы, старавшейся разъяснить русской публике истинное значение и великую ценность Е. П. Блаватской.

Первым пионером теософии в России следует считать Н. К. Гернет. Она ежегодно ездила за границу, бывала на большинстве европейских теософических съездов, познакомилась с Анни Безант и с большим риском для себя провозила запрещённую в России теософическую литературу. Главный склад этой литературы сохранялся

В 2008 году исполнилось сто лет с начала деятельности Теософического Общества в России, и в связи с этим в США в английском переводе была впервые опубликована история русского теософического движения, написанная Еленой Фёдоровной Писаревой (1853–1944). Этот текст долго считался утерянным, но был недавно найден в архивах Теософического Общества в США (Уитон, Иллинойс). Русская публикация в виде отдельной книги, сопровождаемой фотографиями и дополнительными историческими материалами, уже полностью подготовленная к печати, тогда не состоялась по причине кризиса и отмены издательствами всех проектов, не суливших большой прибыли. Сейчас текст впервые публикуется в нашем журнале по русскому оригиналу, дошедшему до нас в рукописной копии, сделанной, по всей вероятности, жившим в эмиграции в США теософом Николаем Рейнке.

в Петербурге, в помещении друга её детства Анны Алексеевны Каменской, с которой они вместе проходили курс средней школы в Женеве. По окончании ими курса обе семьи, Каменской и Гернет, вернулись в Россию, и А. А. Каменская поселилась в Петербурге, а Н. К. Гернет — в Ревеле¹.

В эту эпоху А. А. К. была сильно захвачена просветительным движением, начавшимся в России по инициативе передовых групп, которым, после смерти Победоносцева, удалось сделать многое в смысле просвещения русского народа. Непосредственное влияние Победоносцева прекратилось, но убеждение, что спасение России состоит в строжайшем охранении самодержавия и православия, продолжало жить в сознании молодого царя, и все попытки лучших русских людей сблизиться с ним и с избранным им правительством оставались тщетными.

Россия раскололась на две части: с одной стороны — оппозиция всех лучших элементов России, стоявших за просвещение народа и за улучшение его быта, за свободу мысли и печати и за введение конституции; с другой стороны — настроение царя и двора и всех назначаемых свыше чиновников с реакционным направлением. Этот внутренний раскол послужил причиной всех дальнейших бедствий России.

Первым толчком к возникновению теософического движения в России послужило непредвиденное событие в личной жизни А. А. Каменской. Склад теософической литературы, как уже было упомянуто, Н. К. Гернет держала в помещении А. А. К. и горячо уговаривала её познакомиться с теософической литературой, прибавляя каждый раз: «с'est justement pour vous»².

Но А. А. К. принуждена была весь день давать уроки французского языка, чтобы содержать свою семью: мать, няню и двух младших сестёр; все же промежутки между уроками, включая и воскресенья, она отдавала своей общественно-просветительской деятельности. Благодаря этой непрерывной работе она не могла исполнить желанье своей подруги до тех пор, пока несчастный случай не принёс ей невольный досуг. Это произошло в 1899 году; спеша на урок, А. А. К. поскользнулась на улице, и падая, сломала ногу. Это приковало её к постели на целый месяц. Она вспомнила о сохранявшейся у неё теософической литературе и попросила достать для неё первую попавшуюся книгу из сундука, где сохранялись теософические книги Н. К. Гернет. Книга, которую вынули для неё, оказалась «In the Outer Court» (В преддверии Храма) Анни Безант. С первой страницы она была так захвачена, что прочитала всю ночь напролёт, и когда кончила, ей показалось, что «перед ней разорвалась завеса, и она увидела весь путь человечества и весь смысл страдания». Немедленно после выздоровления А. А. К. вступила в члены Английской Секции Теософического Общества, а в 1902 г. поехала в Лондон, чтобы лично познакомиться с Анни Безант.

Здесь уместно дать краткую биографию А. А. К. и её характеристику, оказавшую своё влияние на направление, принятое теософическим движением в России.

1 Ныне Таллинн. Здесь и далее, если не указано иначе, — прим. ред.

2 Это как раз для вас.

А.А.К. родилась 25 августа 1867 г. в г. Павловске вблизи Петербурга. До 15 лет она провела очень счастливое детство сперва в Германии (в Баварии и Вюртемберге), затем в Женеве, где окончила среднее образование. Её мечтой было поступить в университет, но в это время произошло разорение её матери, и явилась необходимость вернуться на родину. По окончании Высших Женских Курсов ей пришлось зарабатывать уроками французского языка средства на содержание семьи. Она стала *chef de famille* (главой семьи), и все суровые условия её ранней молодости, углубляя её сознание и укрепляя её и без того сильную волю, были как бы подготовительной школой для её будущей роли вождя.

В 17 лет она получила место преподавательницы французского языка в передовой гимназии Стоюниной, а с 18 лет ей приходилось брать и на летние вакации¹, которые в России продолжались 3 месяца, занятия гувернантки в помещичьих усадьбах различных губерний.

Очень характерно для определения её свойств то, что в такие молодые годы, прежде чем ехать на летнюю кондацию, она всегда ставила родителям своих будущих учеников условие — дать ей *carte blanche* (полную свободу) во всём, что касается образа жизни, поведения и занятий вверенных ей детей. По большей части ей попадались распущенные и избалованные дети, но она умела привязать их к себе; зато с родителями приходилось постоянно вступать в тяжёлую борьбу, отстаивая свой план воспитания и свободу действия, и каждый раз победа оставалась за ней. Это тем более удивительно, что в её натуре не было никаких агрессивных свойств. Шла она на эти тяжёлые переговоры с родителями всегда с бьющимся от страха сердцем, зная, что в случае неудачи она должна будет немедленно уехать, потеряв и своё положение, и заработок, и все усилия, вложенные в работу с детьми, которые уже обещали успех.

Эта летняя работа и многообразный опыт не только развили её педагогический талант и врождённый героизм, но и познакомили её с бытом и условиями жизни различных слоёв России.

В начале моего сближения с Анной Алексеевной меня поражали многие её черты, резко отличавшие её от всех известных мне людей. Я искала объяснения у её матери, но она призналась мне, что и она сама не понимает, откуда у её дочери такие свойства. Когда она была совсем малюткой, мать увидела ясно звезду над её колыбелью. А когда ей было всего два года, она часами добивалась, с сосредоточенным упорством, до тех пор, пока ей не удавалось сложить разноцветные мозаики в данный рисунок. Позднее, когда началось уже учение, она до того углублялась в свои задачи, что не видела и не слышала ничего вокруг. При этом она оставалась резвым и весёлым ребёнком, и когда кончала свои уроки, любила резвиться и играть с детьми и была всегда во главе их игр и затей. Её потрясала всякая ложь как что-то непонятное для неё, и она не выносила грубости и жестокости в людских отношениях, и в особенности по отношению к животным. Особенно поражало её мать соединение в ней нежности и уступчивости во всех мелочах, касавшихся её, с порывами почти безумного гнева, когда она видела, как дети мучают какое-нибудь живое существо. Бывало, что она с такой яростью бросалась на целую толпу детей, защищая их жертву, что почти каждый раз обращала их в бегство. Её школьная подруга, Нина Гернет, подтверждала наблюдения матери А.А. Обе рассказывали мне, что необыкновенной чертой в её детстве было то, что она всегда устанавливала строгий план каждого дня и неуклонно выполняла его.

Когда я близко сошлась с ней — ей было тогда 34 года — она представляла для меня живую загадку. По происхождению и воспитанию она принадлежала к тому же культурному классу, как и все мои знакомые и друзья,

но откуда в ней появилась эта внутренняя утончённость во всех областях её мысли, чувства и поведения; и каким образом могли сочетаться в ней редкая кротость и незлобивость с пламенным темпераментом, непреодолимой волей и всеми чертами бесстрашного воина? Ключ к этой загадке я нашла много позже, когда изучение теософии познакомило меня с восточной психологией. Я поняла, что А.А.К. вмещает в своём западном теле восточную душу, вероятно, уже вступившую на Путь и прошедшую через строгую духовную дисциплину, подготовляющую к нему. Когда же мы начали совместно работать для теософии, я убедилась, что в ней, кроме того, вмещается и огромная работоспособность, и редкий организаторский талант.

Я начала свой очерк русского теософического движения с характеристики Анны Алексеевны Каменской потому, что замечательный успех и быстрота, с которой начала распространяться теософия в России, зависела от двух причин: от личных свойств той, которая, став инициатором, а затем и вождём русского теософического движения, внесла в него всю силу, цельность и энтузиазм своей души. Это была одна причина.

Другую нужно искать в психологических особенностях русской души. Эти особенности отличают её от западноевропейской души, и сближают с Востоком, особенно с Индией, в том отношении, что основой её внутреннего мира является религиозное начало. Для неё оно — *главное*, всё остальное — второстепенное, лишь временная надстройка. При сравнении настроений культурного слоя Западной Европы и России разница скажется в том, что земное творчество и земное благополучие и интересы личные и семейные являются главной двигательной силой для западного европейца, тогда как для русской души впереди всего стоят вопросы вечные и голос совести. Отсюда — бескорыстный идеализм её интеллигенции, а также и большая часть душевных трагедий русского человека. Он грешит, как и все, но он глубоко страдает от своей нечистоты. Если углубиться во внутренний смысл русской истории, окажется, что религиозное начало было главной двигательной силой во всех её событиях. Когда волею Петра Великого было уничтожено патриаршество, и Церковь — силою вещей — оказалась орудием государства и вместе с тем опорой династии и привилегированного сословия, с тех пор началось постепенное отпадение передового слоя России от «видимой» Церкви и искания иного рода для религиозных истоков своей души. Возникло жертвенное служение обездоленному народу. Вся борьба передовой России с реакционным правительством, все наши революционные движения до последней большевистской революции имели в своей основе религиозный характер. Обращаясь к новейшей истории, следует отметить, что самая значительная политическая партия в России, Конституционно-Демократическая (кадеты), имела в виду впереди всего надление крестьян избыточными частновладельческими землями и уравнивание в политических и иных правах всех сословий; а между тем, большинство членов этой партии принадлежало к привилегированному сословию «помещиков». Октябрьская революция, основанная на классовой ненависти и разъединении, лишена этого религиозного начала, и потому она не принялась русским народом. Она держится только благодаря насилию.

Это же религиозное свойство русской души явно проявилось и в нашем теософическом движении. Учения теософии отвечают на *главное*, на вопросы вечные, и потому теософия стала для вступивших в её Общество *главным* интересом жизни, впереди всех личных, семейных и партийных интересов. Приведу несколько примеров. Россия очень велика, расстояния её несравнимы

¹ Каникулы.

с западными, и поэтому собираться на общую работу являлось для всех представителей, разбросанных по её большому простору групп, большим затруднением и требовало больших жертв. А между тем, не было случая, чтобы кто-либо из представителей провинциальных групп отказался от присутствия на ежегодных собраниях 17 ноября в Главной Квартире, находившейся в Петербурге, почти на окраине России.

Анна Алексеевна Каменская, выбранная генеральным секретарём (председателем) возникшей Русской Секции Теософического Общества, ввела с самого начала широкое демократическое начало в нашу работу; она ничего не решала единолично и старалась всеми способами вызывать личную инициативу и самостоятельность во всех, кому было поручено вести местные отделы Теософического Общества. С этой целью, начиная с 1909 г., вскоре после легализации Русского Теософического Общества, она предложила всем представителям отделов кроме съезда на годовых собраниях в Петербурге собираться ещё раз на летнюю работу во время каникул в Подборках (родовая усадьба семьи Писаревых) Калужской губернии, где она гостила у меня во время летних вакаций каждый год до 1918 г., когда вместе с другими усадьбами была уничтожена и наша. Несмотря на то, что представители наших отделов не были в большинстве ни богатыми, ни свободными людьми, все не только охотно, но и радостно отозвались на этот призыв, и с различных концов страны — из Киева, Ялты, Ростова, Харькова, Полтавы, Москвы и Петербурга, — съезжались во второй раз в году на летнюю семидневную работу. Длинное путешествие, расходы, личные дела, — ничто не останавливало их, потому что теософия стала для них главным делом жизни, они действительно «meant business»¹, как определил Ледбитер правильное отношение к теософии. Другой пример. С самого основания Русской Секции горячей мечтой всех её членов было побывать на европейских теософических конгрессах, лично увидеть А. Безант и других лидеров, и с каждым разом число русских участников теософических конгрессов увеличивалось несмотря на то, что большинство членов Русской Секции были люди небогатые и трудящиеся. Они отказывали себе во многом, чтобы скопить денег на эту поездку, и на последнем довоенном конгрессе в Стокгольме в 1913 г. число его русских участников достигло небывалой в летописях Теософического Общества цифры — их было 65 человек. Приведу ещё один пример: несмотря на то, что наша теософическая секция не имела со стороны никакой материальной поддержки, и мы не имели ни основного фонда, ни субсидий, почти одновременно с её возникновением решено было издавать свой собственный ежемесячный журнал «Вестник Теософии», просуществовавший без перерыва 10 лет в формате и размере (110 с.), сходном с адьярским «The Theosophist».

Перехожу теперь к последовательному изложению истории теософического движения в России до начала 1918 г., когда советские власти не только запретили наши собрания, реквизировали нашу типографию и обрекли на уничтожение весь запас нашей теософической литературы, но и решили посадить в тюрьму нашу председательницу А.А. Каменскую. Этот арест не состоялся только благодаря её случайному отсутствию в Петербурге.

После прочтения в 1900 году книги «В преддверии храма» Анна Алексеевна немедленно вступила в члены Английской Секции Теософического Общества, а в 1902 г. отправилась в Лондон, где была представлена А. Безант, приехавшей туда для председательства на

конвенции². Вслед за тем А.А. передала ей письмо, в котором изложила состояние своей души и желание посвятить себя теософической работе. В ответ на это письмо Анни Безант пригласила её к себе, и после продолжительной беседы объявила, что принимает её как свою личную ученицу.

Почти одновременно и пишущая эти строки была приведена к теософии. В моей внутренней жизни произошёл тяжёлый кризис: я утратила веру в Бога, и вся жизнь перестала иметь для меня смысл. Моя внешняя жизнь была вполне благополучна: я имела семью, достаток, хорошее положение в обществе, всё, что делает земную жизнь ценной, но я утратила *главное*, и она стала для меня невыносимой. Я упоминаю об этом личном переживании, чтобы дать иллюстрацию к моей характеристике русской души. Я стала молить «неведомый мир» — если он существует — дать мне знак. Ответом на эту молитву было моё знакомство с теософией и Древней Мудростью.

В 1901 году я попала, вернее — была приведена — в Вельдек (живописное местечко близ Лайбаха³ в тогдашней Австрии),⁴ где на берегу маленького альпийского озера была Naturheilaustalt⁵ д-ра Рикли. Там, кроме меня, оказалось несколько теософов и генеральный секретарь Голландской Секции Фрике. Меня познакомили с ним, и он первый ввёл меня в область теософии и снабдил основной теософической литературой. Она отвечала на вопросы вечные, и потому я решила немедленно вступить в Теософическое Общество.

После возвращения в Россию я получила письмо от тогда мне неизвестной Нины Гернет, в котором она выражала желание лично познакомиться со мной. Жила она тогда в Ревеле, а я — в центре России, немного южнее Москвы. Упоминаю об этом, чтобы охарактеризовать, насколько она активно и самоотверженно выполняла свою роль «вылавливания душ» для теософии и «теософического почтальона», как мы шутили называли её.

Она писала, что в Лондоне она слышала о моём интересе к духовным вопросам, называя при этом совершенно незнакомое мне имя, и что готова приехать ко мне, если я пожелаю. Меня это поразило, так как путешествие от Ревеля до Калуги требовало не менее двух суток, стоило дорого, и притом меня она совсем не знала! Я ответила, что рада буду познакомиться с нею; она приехала и очень старалась убедить меня в необходимости теософической пропаганды в России, снабдила меня теософической литературой в подлиннике и уговорила поехать с нею в сентябре в Берлин, куда должна была приехать Анни Безант.

У меня было непреодолимое препятствие для такой поездки, но совершенно неожиданно оно устранилось, и я смогла поехать с ней.

Анни Безант остановилась в помещении Немецкой Теософической Секции. В то время генеральным секретарём её был д-р Рудольф Штайнер, а его деятельной помощницей — Мария Яковлевна Сиверс, дочь заслуженного русского генерала, очень интересная и талантливая девушка. (И её завербовала Нина Гернет, и она же познакомила её с д-ром Штайнером, а самого доктора — с теософией.)

Чтобы наглядно показать, каково было в то время отношение д-ра Штайнера и всей Немецкой Секции к Анни Безант, упомяну о том, что произошло, когда она, закончив собрание теософической ложи, удалилась. Доктор, которого просили перевести её речь на немецкий язык, не ограничился передачей лекции, а прибавил длинное рассуждение от себя. Все старшие члены Секции с М.Я. Сиверс во главе набросились на него с упреками и порицаниями за то, что он посмел после

1 Относились серьёзно, думали о деле.

2 Т.е. съезде.

3 Ныне Любляна.

4 Ныне г. Блед, Словения.

5 Природолечебница.

её гениальной речи излагать свои собственные мысли. Он был чрезвычайно смущён и бормотал что-то в своё оправдание.

В этот же день я была представлена Анни Безант и с первой же минуты так сильно почувствовала её величие, что на всю остальную жизнь оказалась её преданной слугой.

В это же пребывание в Берлине я, благодаря М.Я. Сиверс, познакомилась со всей Немецкой Секцией и сблизилась с д-ром Штайнером, который очень интересовался Россией и очень ценил русских членов своей Секции.

На обратном пути, проездом через Петербург, я познакомилась с Анной Алексеевной Каменской, к которой у меня было поручение от Нины Гернет. С первого же дня знакомства мы порешили, что нужно как можно скорее начать пропаганду теософии в России, и тогда же я составила небольшую статью о публичной лекции А. Безант, а также и о происхождении Теософического Общества. А.А. поместила мою статью в одной из больших петербургских газет, и мы тогда же условились работать сообща. Я пригласила её на летние каникулы в нашу деревенскую усадьбу. В следующее лето 1903 года она приехала ко мне, и начиная с этого времени возникла наша тесная дружба; все свои летние вакации, а также рождественские и пасхальные праздники она проводила у меня. Мы вместе составляли план нашей общей работы для теософии, выбирали теософические книги для перевода и издания, составляли лекции для первого ознакомления русской публики с теософией и т.д.

В том же 1903 году она начала в Петербурге, а я в Москве знакомить русскую публику с теософией.

До легализации нельзя было выступать публично, и наши сообщения приходилось делать в различных салонах, хозяева которых интересовались духовными вопросами и приглашали нас с этой целью. Один из этих салонов в Петербурге принадлежал Анне Павловне Философовой, которую знала и читала вся просвещённая часть России. Её деятельная роль во всех либеральных начинаниях просветительной эпохи Александра II была так велика и так неразрывно связана со всем освободительным движением русской женщины, что её имя перейдёт в русскую историю, как одно из её светлых явлений. Благодаря высокому положению её мужа, одного из любимых приближённых государя, и благодаря обаянию её светлой личности, её внешней и внутренней красоте, ей удавалось добиваться даже от наиболее ретроградных министров и сановников разрешения на самые передовые начинания.

Когда А.А. Каменская добилась легализации Общества в 1908 году, Анна Павловна немедленно пожелала стать его членом, и А.А. предложила ей принять пост вице-председательницы Русского Теософического Общества. Хотя А.П. в это время физически настолько ослабела и отказывалась от всех публичных выступлений, на просьбу А.А. охотно согласилась, говоря, что теософия дала ей столько света, что она хочет послужить ей, насколько хватит сил.

В этот же период наших частных выступлений в 1905 году мне удалось в Москве проникнуть на спиритические собрания и познакомить спиритов с теософией. Их интерес был очень велик, но этот успех испугал Чистякова, редактора спиритического журнала «Ребус» и тогдашнего главу спиритического движения в Москве, и он закрыл для меня доступ на спиритические собрания.

За год до этого, в 1904 году, мы с А.А. поехали в Лондон на теософическую конвенцию, присутствовали на публичных выступлениях А.Безант и прослушали серию её лекций «The Science of Peace»¹, а затем отправились на первый международный конгресс в Амстердам.

Оттуда Анна Алексеевна поехала в Вельдек на курорт д-ра Рикли, где я впервые соприкоснулась с теосо-

фией. Целью её пребывания в Вельдеке было укрепить здоровье для предстоящей усиленной работы. Оттуда она приехала ко мне в Подборки и почти немедленно заболела брюшным тифом в такой тяжёлой форме, что доктора не надеялись на её выздоровление. И я была уверена, что она не переживёт этой болезни и в день кризиса увидела тень смерти на её лице. Но ночью что-то совершилось, и утром я увидела совсем другое лицо. Она узнала меня, улыбнулась и просила дать ей поесть. Я была неотлучно около неё, как и приехавшая Ц.Л. Гельмбольдт, и записала её бред, так как он символически передаёт самую суть её души. Она всё время воображала, что едет с А. Безант в Индию, и часто посылала меня в её каюту с поручениями, требовала бумагу и перо, и лёжа писала ей письма непонятными иероглифами. В бреду она видела молодого католического монаха или священника в лесу у источника прозрачного ручья, который он всё время прикрывал сосновыми ветками; в руках у него была чаша, он её наполнял из источника и относил проходящим и проезжавшим мимо леса, и они жадно пили свежую воду. В это время священник молился, и она чувствовала, что он — это она, что её душа сливается с его душой, и она вспоминает себя в нём в какой-то иной, далёкой жизни. Это видение возвращалось к ней снова и снова.

Другое видение она по моей просьбе записала, когда пришла в сознание. «Опять горный прозрачный ручей, над ним мраморная статуя в наклонённой позе с кувшином, полным воды. Вода льётся через край и к статуе подходят люди и пьют. Я смотрю на неё и сливаюсь с ней, я знаю, что она — это я, что *такой* я должна быть, я чувствую себя странно скованной, и в то же время стрелы пронизывают моё сердце. Слышу тихий голос над собой: „Mater dolorosa“, и я знаю, что не должна шевелиться, должна держать сосуд с водой, хотя стрелы попадают в моё сердце, и из него струится кровь. Беспредельная нежность наполняет меня, скорбь и радость сливаются в одно.»

Весь этот год она была очень слаба, но уже в следующем, 1905 году, она смогла поехать на второй международный конгресс в Лондоне, куда я не имела возможности сопутствовать ей.

Результатом нашей негласной подготовительной работы и наших выступлений в частных домах следует считать тот факт, что когда нам в 1906 году удалось издать «Свет на Пути» с приложением статьи о карме, издание это было немедленно перепечатано «Посредником», самой популярной издательской фирмой того времени. Это доказывает, что интерес к теософии среди интеллигентного русского общества был уже пробуждён с первых дней нашей негласной подготовительной работы.

К числу такой работы следует отнести и наши летние съезды в Подборках, родовой усадьбе Писаревых. Вначале мы делали эту подготовительную работу вдвоём с А.А. во время её летних каникул, а затем к нам стали присоединяться наиболее серьёзно заинтересованные учениями теософии, а позднее, после легализации, и все представители возникавших в различных городах отделов.

На этих съездах следует остановиться подробно, потому что в них заключается главный ключ к особенностям русского теософического движения. Можно эти особенности выразить так: Анна Алексеевна начала свою творческую работу не с периферии, а из центра, из сердца теософической организации. Все стоявшие во главе отделов понимали оккультную основу теософических учений и знали, что лучшая пропаганда теософии состоит в том, чтобы вносить её дух в жизнь. Они подавали живой пример своим сотрудникам и членам своего отде-

ла, благодаря чему наша работа с самого начала проявляла такой одухотворённый характер.

На первом съезде в Подборках Анна Алексеевна предложила свой план общей работы. Этот план соединял свободу и самостоятельность отдельных членов с дружной, гармонически настроенной, совместной работой. А.А. была против всякого давления сверху, против доктринёрства и не решала ни одного вопроса единолично.

Позднее, когда возникла работа в петербургском центре, все вопросы обсуждались и решались Советом, а литературная часть составлялась Редакционным Комитетом, который собирался два раза в месяц и совместно с А.А. разрешал все вопросы, касающиеся «Вестника», выбора материала и подбора новых изданий.

Летом, на время Подборских съездов, все стоявшие во главе отделов приезжали к нам из Киева, Ростова, Харькова, Ялты, Полтавы, Петербурга, Москвы и Калуги, и мы под председательством А.А. выработывали совместно план общей работы на следующий год.

Эта общая работа руководителей отделов оказалась очень плодотворной: с одной стороны, все проблемы — педагогические, социальные и этические, — мы старались разрабатывать в духе теософии, освещать их её светом; а с другой стороны, каждый представитель отделов вносил в наше совещание нечто своё, оригинальное, свои особенности в постановке методов работы. Это общение главных, тесно сплочённых работников обогащало общее дело, давало ему вдохновение, и в то же время внутренне объединяло все возникавшие отделы, придавало общей работе дружный и согласованный характер. Неугасимый энтузиазм А.А. зажигал и нас.

Для подобного углублённого общения выбор места — Подборская усадьба — представлял идеальные условия. Большой дом, построенный в начале прошлого [XIX] столетия дедом моего мужа, с высокими, светлыми комнатами, стоял совершенно особняком от всякого другого жилья — деревня была расположена в стороне. Западным фасадом дом выходил в сад со столетними деревьями, а восточный был обращён на луга, заканчивающиеся красивым лесом, принадлежащим нашему имению, за которым протекала быстрая река Жиздра. По ту сторону реки виднелись опять луга, а весь горизонт окаймлялся казёнными сосновыми лесами, тянувшимися без перерыва на многие сотни вёрст. Прибавлю к этому, что я застала в Подборской усадьбе несколько старинных слуг, помнивших ещё крепостной быт, и они рассказывали мне, что Подборский дом был всегда «весёлый дом, что в нём всем слугам жилось хорошо, господа были добрые и справедливые и никого не обижали». Этим можно объяснить светлую атмосферу дома.

Поблизости от усадьбы было три монастыря, один из которых, Оптиная Пустынь, славился на всю Россию своими старцами (один из этих старцев, Мивросий, под именем Зосимы был описан Достоевским в его романе «Братья Карамазовы»). В этот монастырь вела широкая грунтовая дорога, обсаженная столетними берёзами, по которой — в перерыв сельских работ — мимо Подборок шли паломники, направлявшиеся в Оптину Пустынь. Ближайшая железнодорожная станция была от Подборок в 18 верстах; на большое пространство усадьбу окружали поля, луга и чудная тишина незатоптанной природы.

Дни на этих наших летних съездах распределялись так: начиналась наша работа с молитвы Господней, положенной на музыку А.В. Унковской и пропетой хором или Софией Николаевной Толстой, обладавшей чудесным мягким голосом.

Затем всё утро до обеда длилась общая работа, во время которой разрешались различные вопросы тактики, организации и наилучших методов распространения теософии. После обеда — общая прогулка через луга в наш лес и на берег реки, а к концу дня, после ужина, всегда вечер кончался концертом (среди собравшихся оказа-

лись музыкальные таланты), после которого мы расходились молча в счастливом и просветлённом настроении.

На позднейших съездах принимали участие не одни представители отделов, но также и другие члены, однако характер собраний продолжал быть таким же, выдержанным в том же духе. Собrania эти сближали всех главных работников, давали им новое вдохновение и поддерживали энтузиазм, которым А.А. заражала всех своих сотрудников.

До объявления войны эти собрания происходили через год — когда не было европейского теософического конгресса, а во время и после войны они повторялись каждое лето, вплоть до Октябрьской революции, которая уничтожила вместе с другими и Подборскую усадьбу.

В нижнем этаже дома мы отделили угловую комнату, нежилую с давних пор, для нашей углублённой работы, куда никто не входил, кроме участников этой работы. Под конец вибрации в этом нашем святилище стали до того сильны, что на одном из последних собраний мне удалось наблюдать явление, которое с точки зрения материалистов следовало бы назвать чудом. На груди у А.А., которая вела собрание, был приколот закрытый бутон белого пиона. В течение 40–50 минут, пока длилось собрание, бутон на моих глазах начал раскрываться, и когда мы выходили из комнаты, на её груди был раскрывшийся цветок. Я тогда же проверила время его собственного раскрытия — я выбрала с того же куста такой же закрытый бутон и наблюдала за ним. Он сравнялся по размеру с тем цветком, который был на груди А.А., только через 24 часа.

Уже здесь, на чужбине, мы узнали, что Подборского дома больше не существует. Он был разобран на кирпичи.

В связи с нашей работой в Подборках вспоминаются два эпизода, которые рисуют наши отношения с подборскими крестьянами.

На пятом Подборском съезде, в 1915 году, мы сделали интересный опыт: устроили концерт для крестьян. Было решено сделать его платным в пользу лазарета для раненых, который был устроен в «Народном доме» в Подборках. При этом возникло два сомнения: пойдут ли крестьяне на платный концерт и поймут ли они ту музыку, которую мы им дадим.

Оба сомнения оказались напрасными. Большая зала Подборского дома была совсем полна, и слушали крестьяне нашу музыку с таким вниманием и одушевлением, которые превзошли все наши ожидания. Этот опыт показал, какое огромное значение имеет настроение исполнителей концерта; мы готовились к нему долго и серьёзно, обдумывая каждую подробность, подготавливая атмосферу концертного зала и внутренне настраивая себя. Что касается выбора вещей, то совсем не надо приспособляться к вкусам крестьян, нужно давать им ту же музыку, которая радует и поднимает настроение и у нас; но не иначе, как в очень хорошем исполнении, вступив предварительно во внутренний контакт со слушателями.

Ввиду этого мы начали наш концерт с краткого объяснения того, что музыка даёт душе человека, и перед каждой новой вещью говорили о том, что она выражает. Особенный восторг вызвали прелестные вещицы Унковской, отражающие явления природы — «Ветер» и «Птички». Когда исполняли «Ветер», кто-то из крестьян не выдержал и крикнул: «У...у...у...у... — как гудит!» А когда очередь дошла до «Птичек», один пожилой мужичок даже вскочил с места, восторженно вскрикнув: «Птички! Взаправду птички!».

И ещё раз мы имели возможность убедиться, как сильно действует на крестьян художественно и вдохновенно исполненная музыка.

Это случилось в 1917 году, во время первого этапа революции. Нам хотелось помочь крестьянам разобраться в различных политических партиях, и мы пригласили

желающих прийти к нам на беседу. Поставили наскоро сколоченные скамьи вблизи дома под тенью старых лип, и там произошёл этот необыкновенный митинг.

Крестьяне в то время были настроены вполне миролюбиво и были далеки от всякой классовой ненависти; они интересовались исключительно земельным вопросом: будут ли расширены их права на землю.

Когда наш митинг под липами подходил к концу, двое из участвующих, А.В. Унковская и В.Н. Пушкина, шепнули, что они хотят сыграть для крестьян; и когда наши гости решили расходиться, мы их задержали под открытыми окнами дома, откуда понеслись прекрасные звуки серенады Брага и арии Баха. Они стояли под окнами безмолвной толпой и, уходя, горячо поблагодарили нас, а один из них произнёс слова, которые я не могу забыть: «спасибо вам, что вы душу нашу осветили».

Возвращаясь к описанию событий в хронологическом порядке. В конце 1906 года мой муж Н.В. Писарев, вступивший в Теософическое Общество, основал в Калуге издательскую фирму «Лотос» и начал печатать русскую теософическую литературу. Первой книгой, которую он издал, была «Сокровенная религиозная философия Индии» брамана Чаттерджи. Издательство «Лотос» развивалось с большим успехом. Мой муж вложил свои средства, свой труд и свою любовь в это дело. Он вступил в сношения с главными книжными магазинами больших городов, назначив для большего распространения низкие цены на книги, и вскоре начал получать отовсюду заказы на теософическую литературу. До Октябрьской революции фирма «Лотос» выпустила 21 издание, но потом весь склад наших книг был конфискован.

В следующем 1907 году мы с Анной Алексеевной и группой русских теософов отправились на четвёртый теософический европейский конгресс в Мюнхене. Этот конгресс оставил у нас самое тяжёлое впечатление. Вся Немецкая Секция с д-ром Штайнером во главе совершенно изменила своё отношение к А. Безант. М. Сиверс, а за ней и все остальные сделались фанатическими поклонниками доктора и считали, что он должен стать во главе всего теософического движения, устранив Анни Безант. Со мной, остававшейся верной Анни Безант, они резко порвали все дружеские отношения.

В том же 1907 году А.А. решила издавать свой собственный теософический журнал «Вестник Теософии». Решение это было вызвано тем, что совершенно неизвестное нам лицо начало издавать журнал под названием «Теософическое обозрение». А.А. отправилась к нему и убедилась, что издатель этого журнала не имеет никакого отношения к Теософическому Обществу и задумал издавать его в виду возникшего в обществе интереса к теософии. Решение Анны Алексеевны было очень смелое, так как денег на издание у нас не было, а материала накопилось столько, что мы решили издавать его в размере адьярского «Теософиста». На первый номер удалось собрать денег между собой, и тогда нам очень помог бывший спирит К.Д. Кудрявцев, вступивший в Теософическое Общество (впоследствии он вышел из Общества и кончил свою жизнь печально: был расстрелян). Он заведовал Петербургской Городской Типографией и снабжал нас на выгодных условиях в рассрочку бумагой. Все сотрудники были даровые, и каждый раз, когда бывали денежные затруднения, откуда-нибудь появлялась помощь, и наш «Вестник» благополучно просуществовал больше десяти лет.

Этот 1907 год вообще был полон событий для теософического движения. Оно уже настолько разрослось, что необходимо было думать о его легализации. С этой целью Анна Алексеевна решила собрать съезды в наиболее значительных центрах России — в Петербурге, Москве и Киеве. Первый съезд был назначен в Москве.

Работа в России представляла трудности, неизвестные на Западе. Очень трудно было добиться легализа-

ции, и хотя Победоносцев умер, и революционное движение 1905 года вызвало некоторые перемены и льготы, всё же правительство косо смотрело на все общественные и частные инициативы, идущие не сверху. Это было одно из препятствий, с которым А.А. пришлось бороться. Но и в самом интеллигентном обществе были психологические течения, представлявшие большие затруднения для организованной теософической работы.

Так в Москве, среди того кружка, где я делала доклады о Теософии, в салоне Нины Вал. Пшеницкой (одной из первых русских теософов, вступивших в члены во Французскую Секцию, и к которой полк. Олькотт относился с большим дружелюбием) были очень ценные члены: один — поэт, другой — будущий писатель, Андрей Белый, ясновидящая Минцлова, имевшая большое влияние на молодёжь, учёный лингвист Батюшков, член Французской Теософической Секции. Но все они были очень трудные для совместной работы.

Благодаря этому московский съезд оказался для нас, вместо ожидаемой помощи, неожиданным препятствием. А.А. пришлось сильно бороться с анархическими тенденциями москвичей. Они были против *всякой* организации, требовали одинакового голоса для всех и «соборного» решения всех вопросов. Между другими нападки они упрекали А.А., что она решила издавать «Вестник Теософии», не запросив их согласия и всех примкнувших к теософии на территории всей России. Среди анархически настроенных были столь властолюбивые голоса, что они смущали даже некоторых из ближайших помощников А.А., и вместо спокойного обсуждения главного вопроса — организации Русского Теософического Общества, — оказались настоящей битвой и распадом на два лагеря. Только огромное самообладание и большой такт А.А. взяли верх, и бушующие элементы успокоились. Чтобы их удовлетворить, была принята довольно странная формула, предложенная ими: «объединиться вокруг „Вестника Теософии“». Когда же кем-то было сделано резонное возражение, что объединиться вокруг неодушевлённого предмета не имеет ясного смысла, тогда москвичи изменили формулу так: «объединиться вокруг „Вестника Теософии“ и А.А. Каменской». Эта формула была всеми принята. А.А. одержала победу, но это стоило ей дорого: она заболела и весь следующий день пролежала с жестокой мигренью.

Второй организационный съезд прошёл в Киеве под председательством Н.В. Писарева. Здесь А.А. встретила новое препятствие в форме православного фанатизма, но и там ей удалось убедить и успокоить всех и восстановить нужную гармонию. В результате киевский съезд единогласно заявил о необходимости легализации и просил А.А. устроить 3-й съезд и войти в сношение с властями.

В самом Петербурге, в центре движения, работа шла успешно и гармонично, и на третьем петербургском организационном съезде не было никаких трений. Было выражено общее желание немедленно добиваться легализации, и генеральным секретарём Российского Теософического Общества была единогласно выбрана А.А. Каменская.

Вслед за этими решающими съездами, в том же 1907 году осенью, А.А. подала прошение о легализации Российского Теософического Общества. Она воспользовалась временно наступившим новым веянием, когда вслед за неудачной японской войной была свыше объявлена «Свобода слова, вероисповедания, общественных собраний и союзов, не занимающихся политической деятельностью». Наше Общество оказалось первым, просившим при новом положении вещей о легализации. Представители Теософического Общества, в лице председательницы А.А. Каменской и секретаря Д.К. Кудрявцева, были призваны в Градоначальство, где заседала комиссия, рассматривавшая прошения и проекты уста-

вов. Заседание происходило под председательством самого градоначальника, генерал-майора Клейгельса.

Анне Алексеевне был поставлен ряд вопросов о целях Российского Теософического Общества, устав же его был подвергнут жёсткой критике. Особенно яростно нападали члены комиссии на слово в первом параграфе устава: «образовать ядро всемирного братства» и спрашивали, что мы подразумеваем под словом «ядро». Было очевидно, что это слово очень беспокоило начальство, и А.А. предложила заменить его словом «союз». Эта замена внесла успокоение и «союз» был принят. Другой параграф, вызвавший подозрение, касался созыва на годовые собрания делегатов от всех отделов Теософического Общества. Слово «делегаты» было не в фаворе, так как оно соединялось с представлениями о республиканском строе; после долгих прений А.А. предложила заменить его более невинным — «представителей отделов».

А.А. и Кудрявцев думали уже, что наше дело выиграно, но градоначальник неожиданно и очень строго поставил новый вопрос: «Почему же вы именно теперь хотите открывать такое общество? Если ваши цели действительно совпадают с задачами религии, то разве недостаточно церкви для духовного руководства граждан?». Тогда А.А. произнесла горячую речь, указала на искания молодёжи, на ряд самоубийств вследствие потери веры и выразила уверенность, что с помощью теософии религия займёт не только моральную, но и научную позицию и даст возможность духовно ищущим найти поддержку и обоснование для их духовных идеалов. Эта речь увлекла комиссию, и разрешение было дано.

После легализации, состоявшейся 30 сентября 1908 года, мы назначили днём рождения Русского Теософического Общества 17 ноября и радостно и торжественно отпраздновали этот день в Петербурге в красивом помещении Женского Общества, вице-председательницей которого была А.П. Философова.

Здесь уместно упомянуть, что в число выдающихся черт организационной тактики А.А. входила большая забота в внешнем виде и красоте наших теософических собраний. Она сумела внушить нам большую любовь к общему делу, и все члены собрались участвовать в украшении нашего главного центра. Много хороших картин на стенах, много цветов и много света придавали торжественный и праздничный вид нашим собраниям. «Как у вас хорошо! Точно в храме!» — это было общее впечатление всех входивших в помещение центра. В дни революции, когда все потеряли голову и жили как бы во сне, в помещении Теософического Общества заходили не только теософы, но и посторонние люди, чтобы отдохнуть душой и успокоиться. Пробыв некоторое время, они уходили умиротворённые с новыми силами. Другой чертой её организационной практики был строгий выбор вступающих в число членов Общества. Она видела успех движения не в количестве, а в качестве вступающих. Правило принятия требовало рекомендаций от двух теософов, ответственных за свою рекомендацию. Кроме того, вступающему предлагалось нечто вроде экзамена. Ему ставились четыре вопроса: 1. Признаёт ли он братство людей? 2. Признаёт ли необходимость терпимости? 3. Что он ожидает от теософии? 4. Что он может внести в Теософическое Общество? Из этого правила не делалось никаких исключений. Когда пожелала вступить в наше Общество С.Э. Евдокимова, одна из известных *grandes dames*¹ и филантропок Петербурга, собравшая в своём салоне министров, депутатов и других влиятельных лиц, обладавшая большими средствами, и она была подвергнута такому же экзамену. Она смиренно подчинилась ему, а Ц.Л. Гельмбольдт, которой было получено делать эти экзамены, испытала в этом случае большое смущение, убедившись, до какой высокой степени духовного развития поднялась подвергнутая экзамену.

После легализации теософическая работа приняла такие размеры, что несмотря на исключительную работоспособность Анны Алексеевны, она не смогла бы справиться с ней, если продолжала бы свои занятия в двух гимназиях, которые отнимали у неё весь день. Узнав о том, что она работает по ночам, Анна Павловна Философова собрала некоторых петербургских членов общества и сообщила им о ночной работе председательницы. Тогда, установив размер заработка А.А. в одной из гимназий, собравшиеся члены решили вносить сообща соответствующую сумму в кассу Общества для освобождения его председательницы от непосильного труда. Благодаря этой стипендии А.А. получила возможность большую часть своих сил отдавать теософической работе.

Когда мы получили возможность работать открыто, то во всех отделах начали ежемесячно устраивать открытые собрания. Во всех отделах работа происходила приблизительно по одним и тем же линиям. В еженедельных закрытых собраниях проводилось коллективное изучение теософических учений с очередными докладами сотрудников, а в открытых собраниях делались публичные лекции наиболее опытными и знающими членами; лекции эти каждый раз сопровождалась обсуждениями с участием аудитории.

Как живой пример нашей работы, расскажу, как она проходила в нашем Калужском Отделе, руководить которым было поручено мне. Этот пример особенно интересен потому, что его работа происходила в таком незначительном и довольно глухом городе как Калуга (60000 жителей).

Работал Отдел в нашем городском доме, и его библиотека, открытая в определённые дни для всех интересующихся теософией, находилась там же. Открытые собрания устраивались в большом зале местного реального училища, директор которого относился очень сочувственно к нашей теософической деятельности. На этих собраниях присутствовало от 200 до 250 человек. Успех этих собраний превзошёл все наши ожидания. В состав сторонней публики (членов Т.О. было тогда 8 или 9 человек) входили люди всех сословий и направлений; приходили и позитивисты с материалистическим мировоззрением, также и церковники с намерением во время прений уличать нас — первые в ненаучности, а вторые — в ереси. Но были люди и с неразрешёнными духовными вопросами и сомнениями, искавшие помощи. Из их числа я заметила двоих, оказавшихся мужем и женой, которые не пропускали ни одного собрания и обращали на себя внимание своей сосредоточенностью и глубоким вниманием. В конце года они оба пришли ко мне и сказали: «Мы пришли поблагодарить вас и сказать вам, что вы спасли четыре человеческие жизни. Мы не понимали, зачем мы живём, какой смысл в нашем бессмысленном существовании, оно стало нам в тягость и мы уже решили покончить с ним вместе с нашими двумя маленькими детьми. После всего, что мы узнали благодаря вам, мы поняли, зачем нам дана жизнь, и мы будем жить, сознавая свой долг». Отец семейства, сказавший эти запомнившиеся мне слова, был из среды мелких чиновников, жена его принадлежала к той же среде, но их материальное положение было вполне удовлетворительным. Они жаловались не на нужду, а на «бессмысленность» жизни.

На этих открытых собраниях обыкновенно выступали руководители отделов, но мы старались обмениваться докладчиками; так, ко мне на помощь приезжал А. Молокин из Харькова, из Киева — Евгений Михайлович Кузьмин, большой знаток национального искусства, П.Д. Успенский, автор замечательной книги «*Tertium Organum*», написанной под вдохновением теософии, раз даже член Парижской теософической ложи И.С. Манциарли, прочитавшая с большим успехом лекцию о строении космоса.

1 Великосветских дам.

Кроме открытых собраний в Калужском Отделе имел большой успех семидневный курс теософических учений для интересующихся духовными вопросами. Таких интересующих оказалось так много, что мне пришлось повторить этот курс несколько раз в помещении Калужского Отдела. На первом меня слушало 7–8 человек, а на третий записалось более 40, так что пришлось думать об ином помещении.

Наиболее любимой моей работой была «Золотая Цепь». Я собирала детей в воскресные и праздничные дни и убедилась, как прекрасно может быть общение с детьми на высших планах. Русские дети — даже из некультурной среды — оказались замечательно восприимчивыми для духовного воздействия, и их родители сообщали мне своё удивление, до чего дети изменились к лучшему с тех пор, как побывали на этих собраниях. Один из мальчиков, участник Золотой Цепи, был помещён в Московский Кадетский Корпус, и оттуда присылал письма к остальным детям, начиная их так: «Дорогая Золотая Цепь». Он рассказывал в них, что старается выполнять заветы Золотой Цепи в Корпусе, и что ему удалось с несколькими товарищами устроить в своём классе отдел Золотой Цепи для охраны птиц и насекомых от жестокого обращения с ними кадетов. Этот мальчик был Володя Толстой, внук Льва Николаевича Толстого.

К моему большому горю, эта работа должна была после двух лет прекратиться. В городе о ней много говорили, слухи дошли до директора казённой гимназии, большого педанта и формалиста, и он поставил мне как условие для продолжения работы с учениками и ученицами средних школ и гимназий, чтобы я испросила разрешение у министра народного просвещения собирать у себя детей, изложив при этом суть моих занятий с ними. Вся Россия знала тогдашнего министра народного просвещения как преследователя всякой частной инициативы в педагогической области, и мне не оставалось ничего иного, как прекратить свою «Золотую Цепь».

До невольного знакомства с директором казённой гимназии нам всё же удалось благодаря сочувствию директора частного реального училища Шахмаонова вызвать интерес к теософии среди молодёжи старшего возраста. Он предоставил нам свою залу для курса этики, который прочитала А.А. для калужской молодёжи во время своих рождественских каникул, которые она обыкновенно проводила у нас в Калуге. Она никогда не пропускала случая и вне установленной программы поработать для распространения теософии, и мы старались следовать её примеру.

В остальных отделах работа шла приблизительно так же, как и в Калуге. Следует отметить особенно удачную деятельность М.Г. Фёдоровой с ростовской молодёжью, а также в более поздний период замечательный успех, с которым Софья Владимировна Герье вела свои работы в Москве с молодыми теософами по глубоко продуманному методу, приспособленному к русской психологии. В Петербурге также работа с молодёжью приняла широкий размер. Образовался «Союз воспитания нового человека», к которому примкнули учащиеся в двух гимназиях и группа студентов. Отделом молодёжи устраивались литературные вечера, диспуты и даже концерты. Всё это происходило до закрытия Теософического Общества.

В Харькове, рядом с чисто теософической работой, шли очень успешно этические курсы с молодёжью, которые вёл Алексей Георгиевич Молокин.

В Киеве ту же работу с молодёжью взял на себя Евгений Михайлович Кузьмин (знаток древнерусской старины и былин), он привлёк много молодёжи и организовал «Русский круглый стол» (организация рыцарей), а в Ростове-на-Дону М.Г. Фёдоров сделал то же самое.

Восстанавливая в памяти нашу теософическую работу в Калуге, я вспомнила один эпизод, который, хотя и не касается непосредственно истории теософического дви-

жения в России, думаю, будет интересен для русских теософов, так как показывает отношение Л.Н. Толстого к теософии.

Летом 1908 года А.А., А.В. Унковская и я были в гостях у него в Ясной Поляне (Калужская губерния соприкасается с Тульской, где и находилась усадьба Л.Н. Толстого). Лев Николаевич был в курсе нашей теософической работы и читал наш «Вестник Теософии» благодаря постоянному общению со своей невесткой С.Н. Толстой, которая одна из первых вступила в Русское Теософическое Общество и была деятельным членом Калужского Отдела. Нас связывала с ней и общая работа, и личная дружба. Она имела обыкновение отвозить в Ясную Поляну последнюю корректуру моих статей для «Вестника Теософии», которые Л.Н. читал с вниманием; на одной из них его рукой были сделаны такие пометки: «Верно», «хорошо», «очень хорошо». Из этих отметок было ясно, что он принимает всю этику теософических учений и разделяет её.

Весь день, проведённый нами в Ясной Поляне, Лев Николаевич не уходил, как обычно, к себе, и провёл его в беседе с нами, внимательно выслушивая всё, что касалось теософии. Особенно заинтересовал его мой рассказ о том, как я подошла к теософии. Я сообщила ему мою первую встречу с теософами в парке санатории Рикли, где его пациентки проводили всё утро до обеда в непосредственном соприкосновении с природой — босиком, в одних рубашках. Среди всех дам — их было около тридцати, — проводивших утренние часы в этом парке, мне бросилась в глаза небольшая группа, резко отличавшаяся от остальных. Она состояла из шести лиц, и все они относились с таким доброжелательством и вниманием к другим, в них проявлялись такие ясные признаки тонкой духовной культуры, что я решила: наверно все они принадлежат к одной и той же духовной общине. Когда же я познакомилась с ними, я узнала к моему большому удивлению, что все они из разных стран и впервые познакомились здесь, в санатории Рикли. Заметив моё удивление, одна из них — англичанка мисс Хамильтон — ответила, улыбаясь: «это сходство естественно, мы все члены Теософического Общества». Эта печать благородства на человеческой душе и была толчком, который привёл меня к теософии. Л.Н. повторял несколько раз с большим одушевлением: «Вот это я понимаю! Это — настоящее! Не одни слова, сам человек изменился — вот что главное!»

Позднее С.Н. Толстая передавала мне, что после нашего отъезда Л.Н. в течение нескольких дней повторял мой рассказ новым гостям и каждый раз кончал: «Вот что настоящее! Это — главное!».

Мы все любили его, он будил нашу совесть, а к концу жизни его интересовало только одно, и только одному он придавал значение: духовному началу в человеке и его связи с Богом. Карму и перевоплощение он признавал, но на все аргументы в пользу теософии возражал: «всё это неважно, одно только важно — любить друг друга; всё остальное придёт само собой.»

Сообщая о начале нашей узаконенной теософической деятельности, необходимо упомянуть о ближайших помощниках Анны Алексеевны, работавших с ней в Петербургском центре в качестве членов Совета, избираемых каждый три года на общем собрании Общества. Одним из самых деятельных участников этого совета был вице-председатель Р.Т.О. Павел Ильич Тимофеевский, назначенный на этот пост нашей председательницей в 1910 году, после кончины А.П. Философовой.

П.И. Тимофеевский, доктор медицины, один из первых петербургских врачей, применявших электрическое лечение в своей медицинской практике, был незаметным как представитель нашего Т.О. Молодой, энергичный представитель академической науки и при этом прекрасный оратор, он импонировал публике и умел удачно и

остроумно отпарировать нападки на теософию. Зайдя случайно на одно из наших открытых собраний, он сразу заинтересовался новым для него учением и продолжал их посещать, и хотя слушал внимательно новые для него учения, но во время прений выражался нередко скептически и по временам даже иронизировал над нашими положениями. Теософическое учение об эволюции он сразу принял, но больше всего его привлекала идея существования Старших Братьев — Учителей, и сверхчеловеческой эволюции.

Он вступил в наше Общество, и А.А. сразу отнеслась к нему с большим интересом, почувствовав всю серьёзность и глубину его духовных исканий, а когда освобождена пост вице-председателя, она совершенно неожиданно для него предложила ему занять его.

Анна Алексеевна обладала драгоценным для вождя даром угадывать и безошибочно оценивать истинные свойства тех, с кем ей приходилось работать. Среди примкнувших к Теософическому Обществу были люди с блестящими дарованиями, и иногда приходилось удивляться, почему она не избирает их на ответственные посты как своих ближайших помощников. И каждый раз оказывалось, что такой выдающийся член или расхотелся с идеалами теософии и уходил из Общества, или даже, благодаря неудовлетворённому самолюбию, переходил в ряды его врагов.

Когда А.А. предложила Павлу Ильичу занять пост вице-председателя, он был очень поражён и стал указывать на свои недостатки. Она ответила на его сомнения, что недостатки его пройдут, а то существенное непреходящее, что она видит в нём, может принести большую пользу для дела духовного пробуждения современного общества и будет большой помощью для него.

Это «незаслуженное» доверие, как он впоследствии поведал мне, победило все его колебания и так потрясло его, что он решил «заслужить его». И он действительно заслужил, потому что как человек сильной воли сразу изменил весь строй своей жизни, стал строгим вегетарианцем и до конца оставался глубоко убеждённым, активным и преданным слугой Старших Братьев.

Членами Совета в петербургском центре были, кроме Павла Ильича, Цецилия Людвиговна Гельмбольдт, отличавшаяся неутомимой работоспособностью и исключительной преданностью к А.А., с которой у неё была давняя дружеская связь. У неё был замечательный дар в общении с людьми вызывать к себе доверие и такой заразительный юмор, который вносил живую струю в общее настроение и нередко помогал в затруднительных случаях. Несмотря на своё иностранное имя (её предки по отцу были шведы), она больше всех нас знала и любила русский народ, его язык, песни и прибаутки. Она принадлежала к группе народников и в течение трёх летних рабочих сезонов исполняла все деревенские полевые работы в колонии профессора Энгельгардта. Когда А.А., захваченная учениями теософии, вступила в Теософическое Общество и решила отдать ему все свои силы, Ц.Л. стала её преданной сотрудницей, неутомимо помогала ей во всех её начинаниях, а когда для А.А. оставаться в России стало опасно, Ц.Л. не колеблясь решила сопровождать её и делить с ней все опасности и невзгоды беженской участи.

Николай Иванович Эрасси, горный инженер, профессор Морского Корпуса. Он вносил в теософическую работу много энтузиазма и в трудные минуты зажигал остальных своим светлым оптимизмом. Во время научных работ (по съёмкам) в Псковской губернии, в эпоху революции, возможность возвращения на родину была для него отрезана. Таким образом Н.И. попал за границу, где он организовал теософические ложи в Ревеле, Берлине и Брюсселе и продолжал работать для теософии до своей кончины в Тунисе в 1930 году.

Варвара Николаевна Пушкина, всегда готовая служить Теософическому Обществу своим музыкальным талантом и преданностью на пользу Т.О.

Маргарита Алексеевна Каменская. Она первая из всех нас попала в Адьяр и была из числа преданных слуг А. Безант. Вернувшись из Адьяра в Петербург, она дала ряд публичных лекций со световыми картинками, иллюстрирующими природу, быт и храмы Индии.

После ухода д-ра Штайнера из Немецкой Теософической Секции и образования новой Немецкой Секции, верной Адьяру, Маргарита Алексеевна одно время была генеральным секретарём этой секции.

Л.П. Страсбадер. Как член Совета оказала Теософическому Обществу много услуг, и благодаря ей Общество получило право устраивать свои публичные лекции в большом зале Тенишевского Училища. А когда А.А. и Ц.Л. бежали из России, они нашли Л.П. Страсбадер в Брюсселе, и она, при участии Бельгийской Секции Т.О., во многом помогла им.

Эмма Дмитриевна Пантениус была одним из самых преданных членов Т.О. и оказала ему много полезных услуг.

В Петербурге, где под влиянием А.А. работа шла наиболее энергично, под конец образовалось семь кружков — пять русских, один французский и один немецкий. Кружок имени Е.П. Блаватской вёл П.И. Тимофеевский; кружок «Сравнительного изучения религий» вела А.А.; кружок «А. Безант» — Ц.Л. Гельмбольдт; кружок «Орфей» — Александра Васильевна Унковская; этический кружок — Анна Викторова; французский кружок «Нуратия» вела Л.П. Страсбадер, немецкий, имени «Maria Strauch» — Э.Д. Пантениус.

В остальных отделах было по два и по три кружка.

Председателями отделов были:

В **Москве**: Ю.Н. Кирпичникова, позднее княгиня С.В. Урусова, а с 1913 г. Софья Владимировна Герье.

В **Киеве**: Елизавета Вильгельмовна Родзевич, а потом Евгений Михайлович Кузьмин.

В **Харькове**: Вера Алексеевна Молокина.

В **Калуге**: Елена Фёдоровна Писарева.

В **Ялте**: С.В. Татаринова.

В **Ростове-на-Дону**: М.Г. Фёдорова.

Позже, в 1921 году, образовался Житомирский Отдел Р.Т.О., и председателем был д-р Виктор Викторович Гинце.¹

Прежде чем переходить к внешним событиям и к испытаниям, через которые пришлось пройти новорождённому Русскому Теософическому Обществу, расскажу сразу о последних трёх (перед войной) европейских теософических конгрессах, в которых участвовали представители Русской Секции.

В 1909 году группа русских теософов с А.А. во главе отправилась на Пятый Международный Конгресс в Будапеште. Мы проезжали через Варшаву, и здесь произошло событие, глубоко порадовавшее нас. Варшава вызывала всегда мучительные переживания для русской души. Жестокие репрессии русского правительства, за которые русский народ не может отвечать, — а его интеллигенция, сочувствовавшая полякам, была в них совершенно неповинна — вызывали в польской интеллигенции ненависть ко всем русским, и эту ненависть мы болезненно чувствовали каждый раз, проезжая через Варшаву.

В Варшаве ещё не было настоящего теософического движения, но возник уже интерес к теософии, и нас ожидала на этот раз дружественная встреча и приглашение остановиться у художника Стабровского, бывшего тогда директором местной Академии Художеств. Нас пригласили сделать доклады по теософии в нескольких частных салонах, и мы почувствовали, что теософия оказа-

1 Подробности об этом отделе помещены в журнале «Альба» № 3 и 4. — Прим. Н. Рейнке.

С 1920 по 1922 г. работало Теософическое Общество во Владивостоке. Его секретарём был Е.Ф. Масленников. — Прим. ред.

лась той связующей силой, которая разбила лёд и сделала вчерашних врагов нашими друзьями. Нас провожала на варшавский вокзал толпа друзей с цветами и сердечными пожеланиями новых встреч. С нами поехал на конгресс известный польский поэт и романист Тадеуш Мицинский. За время конгресса он так подружился с нами, что впоследствии приехал из Варшавы в наш город Калугу, чтобы повидаться со скрипачкой А.В. Унковской и со мной. К сожалению, он погиб в 1918 году в Москве во время уличной стрельбы.

В конце Будапештского конгресса А.А. организовала братское общение бывших на конгрессе славян. Мы собрались на дунайском острове *Margareten Insel*¹ в числе 14 человек, из которых несколько болгар с Никовым во главе и два представителя Сербии и Польши. Время проходило в дружеской беседе о единении славян на почве теософии, помимо всех исторических и политических средостений, и мы решили возобновлять подобные дружеские собрания на всех последующих конгрессах.

С конгресса я возвращалась в Россию вместе с А.В. Унковской морем. На пароходе, во время плавания, нам удалось вызвать среди его пассажиров большой интерес к теософии. В Триесте мы попали на роскошный пароход «*Triestiner Lloyd*», где нам пришлось наблюдать, как богатая путешествующая публика проводит свой досуг. Большая часть дня была занята едой; в промежутках, на палубе первого класса, можно было видеть скользящие фигуры, лежащие в раскидных креслах и лениво перебарывающиеся незначительными фразами. В конце этого дня, когда мы остались одни в нашей каюте, перед нами возник вопрос: имеем ли мы, как теософы, право пассивно участвовать в таком времяпрепровождении? И решили, что не имеем. На следующее утро во время первого завтрака в общей столовой я предложила собравшимся вопрос: нет ли среди пассажиров пианиста, который пожелал бы аккомпанировать скрипачке, едущей с нами на пароходе. Когда одна из пассажирок предложила свои услуги, я попросила желающих послушать концерт собраться в салоне за час до завтрака. Все заинтересовались, оживились, и в назначенный час салон был полон, и даже публика второго класса собралась поближе к его окнам. Концерт вышел на славу. Когда я приотворила дверь на широкую лестницу, ведущую в отделение первого класса, я увидела — совсем как на картинке в сказке «Спящая царевна» — остановившихся на её ступеньках людей, захваченных врасплох доносившей сверху чудесной музыкой. Они стояли неподвижно, словно заколдованные. А.В. Унковская умела извлекать из своей маленькой скрипки Гварнери такие нежные, одухотворённые звуки, которые многие сравнивали с пением ангелов.

В остальное время, пока мы ехали вместе, пассажиры стали неузнаваемы; оживились и забрасывали нас вопросами. Пришлось прочитать целую лекцию о невидимых мирах, карме и перевоплощении, и кончились наши оживлённые беседы с пассажирами тем, что один из них, молодой журналист (турок), стал перед А.В. Унковской на колени, умоляя её дать ему для его журнальной статьи резюме её цветозвуковой методики, её фотографию и главные сведения о её жизни.

Высадившись в Афинах, мы посетили Элевсис. Я в это время переводила книгу Шюре «Великие посвящённые», и хотелось воочию увидеть остатки элевсинских храмов. Пробыв затем короткое время в Константинополе², мы вернулись на родину через Одессу. Я взяла это направление, чтобы познакомиться с жившими в Одессе племянницами Е.П. Блаватской, надеясь получить от них нужные для меня сведения для её биографии. Я не знала их лично, но получила от них письмо, в котором они горячо благодарили меня за предисловие к переводу «Голоса Безмолвия», изданного моим мужем. Они трогательно описывали свою радость и своё волне-

ние, когда читали это предисловие, как они плакали над ним, радуясь, что наконец появилось в русской печати дружеское слово в защиту доброго имени их любимой тётки, так бесовски оклеветанной в книге Всеволода Соловьёва «Современная жрица Изиды». Они подарили мне целое сокровище, состоявшее из писем Елены Петровны, снимков и портретов, чрезвычайно ценных для Теософического Общества. Я отдала их в петербургский центр, где из них был составлен целый большой альбом. Впоследствии он был конфискован вместе с другим имуществом Теософического Общества. Вернуть его нет никакой надежды.

Чтобы не возвращаться больше к описанию международных теософических конгрессов, расскажу вне хронологического порядка и о двух европейских конгрессах, состоявшихся в 1911 году в Генуе и в 1913 году в Стокгольме.

Участие русской группы в 1911 году в европейском конгрессе в Генуе оказалось очень удачным и вывело генерального секретаря проф. Пенцига из крайне затруднительного положения. Профессор Пенциг получил слишком поздно телеграммы президента Анни Безант о том, чтобы конгресс состоялся без неё. Ближайшим членам профессору удалось сообщить об отмене конгресса, но из других стран и из далёких концов Италии собралось уже около ста человек. Увидав его огорчение и смятение всех собравшихся, Анна Алексеевна предложила проф. Пенцигу использовать эти дни, чтобы устроить для съехавшихся ряд бесед и концертов. Последнее было вполне возможно, так как среди собравшихся русских были и пианистка, и скрипачка Унковская, а также были и красивые голоса.

Проф. Пенциг был очень обрадован, услышав такое предложение. Эта импровизированная теософическая работа происходила в залах университета, расположенного на холме и окружённого чудным ботаническим садом. Помещение университета было отдано на время конгресса в полное распоряжение теософов. Проф. Пенциг просил А.А. взять на себя инициативу и вести собрания съехавшихся. На другой день, созвав всех приезжих и прочитав им телеграмму президента, он предложил использовать эти дни для теософической работы и предложил избрать председательницей конгресса А.А. Каменскую, которая и была единогласно избрана.

Открыв собрание, она предложила программу трёхдневной совместной работы.

Каждое утро под председательством А.А. от 10 до 12.30 ч. проходили собрания, состоявшие из докладов и лекций на теософические темы. Видную роль занимал доклад А.В. Унковской, излагавшей совершенно новую постановку музыкального преподавания на основе цветозвуков. Свою методику она сопровождала музыкальными иллюстрациями. Завершались эти собрания кратким концертом и Молитвой Господней, композиции Унковской, пропетой русским хором.

После обеда теософы собирались на даче у г-на Кирби, где в дружеском общении шла оживлённая беседа на теософические темы.

В последний день вечером проф. Пенциг устроил красиво иллюминированную прощальную «*garden-party*» в ботаническом саду, с террасы которого раскрывался чудный вид на море. Этот неожиданный успех прекрасно удавшегося теософического съезда сблизил итальянскую и русскую секции. Проф. Пенциг горячо благодарил А.А. и всю русскую группу за оказанную ему помощь. На этом же съезде присутствовала Софья Владимировна Герье, бывшая в то время студенткой Генуэзского Университета, которой впоследствии было суждено сыграть выдающуюся роль в русском теософическом движении. По возвращении на родину она была поставлена во главе Московского Отдела, который она вела с большим успехом до закрытия Общества.

1 Остров Маргариты (нем.)

2 Ныне Стамбул. — Прим. ред.

На четвёртый день перед отъездом русская группа устроила — как и в Будапеште — день славянского объединения.

В окрестностях Генуи, в очаровательном парке, состоялось славянское собрание, закончившееся прекрасным обедом, который был устроен для нас нашим великодушным членом С.Э. Евдокимовой. Собравшиеся долго наслаждались красотой знаменитого парка Палавичини, сближаясь в дружеской беседе со славянами. На этом заключительном празднике было 19 человек, из которых 14 русских, остальные поляки, болгары и одна сербка.

Генуэзский съезд оставил яркую и интересную страницу в истории русского теософического движения, так как фактически его вела А.А. (наш генеральный секретарь) с помощью русской группы.

В последний день Генуэзского конгресса приехал ветеран германских теософов Хюббе-Шляйден, который был много лет преданным работником Теософического Общества, но устранился от участия в Немецкой Секции, не желая примыкать к течению, созданному д-ром Штайнером. Здесь кстати следует упомянуть, что отмена Генуэзского конгресса помешала доктору выполнить своё намерение. Он хотел воспользоваться этим конгрессом, чтобы заявить о своём выходе, вместе с большей частью немецких теософов, из Международного Теософического Общества и этим заявлением произвести мировой скандал. Отмена официального конгресса помешала выполнить его намерение.¹

Подробности последнего Стокгольмского конгресса, состоявшегося в 1913 г., остались особенно яркими в моей памяти — может быть потому, что для нас, русских, этот конгресс был очень значителен. Мы образовали на нём целую колонию в 65 человек, и переживали незабываемые впечатления. Всё время стояла прекрасная погода, северная природа с её шерами и островами представляла совершенно новое окружение для нашей теософической работы, а более близкое знакомство с нашими соседями шведами, с их национальной культурой и психологией, которая сильно отличается от западноевропейской, придавало особый интерес этому конгрессу.

В нашем общении со шведами мы встретили столько внимания и сердечного радушия, такое утончённое гостеприимство, соединённое с непосредственностью и большой простотой, какие нельзя встретить в лихорадочном живущих западноевропейских центрах.

Само прибытие в Стокгольм, когда мы спустились с парохода на его красивую тихую набережную, напоминало скорее толпу паломников или переселенцев, чем группу конгрессистов. Милейший г-н Хиплинг, член комитета по устройству приезжих на конгресс, которому была поручена забота о русской колонии, встретил нас так, как встречают старых друзей, затем немедленно побежал выручать из таможни картины художника Стабровского, который приехал вместе с нами. В таможне его задержали так долго, что нам пришлось просидеть на набережной, на наших чемоданах и саквояжах, от 9 утра до 12 часов дня. Сначала ожидание было очень весёлое, нас забавляло наше неожиданное приключение; мы были совершенно одни на набережной, любовались ярко освещённой красотой северной природы, но к полудню нас одолел такой голод, что мы буквально набросились на оставшиеся у двух мудрых членов запасы провизии — крутые яйца и огурцы.

В 12 часов появился наконец наш вожатый г-н Хиплинг, в сопровождении необыкновенно громадной лошади, запряжённой в такую же огромную платформу, на которую поместились все наши чемоданы, и мы — большой толпой — двинулись вслед за Хиплингом, который непременно хотел показать нам сперва помещение Теософического Общества, и только затем повёл нас к трамваю, который должен был доставить нас в Стокзунд.

Анна Алексеевна заранее списалась с комитетом, и нам отвели в окрестностях Стокгольма несколько смежных дачных вилл с удобным трамвайным сообщением. Когда мы приехали в Стокзунд, солнце ярко светило, местоположение было очаровательное на высоком холме с прекрасным видом. Мы приехали за два дня до открытия конгресса, и благодаря распорядительности нашего милого вице-председателя доктора Тимофеевского, который взял на себя все хлопоты по нашему размещению, всё наше устройство прошло в полном спокойствии и порядке. Все главные работники (около 30 человек) поместились в большом доме на вилле Берг, остальные были распределены в маленьких соседних виллах. На другой день приехала из Лондона миссис Безант и вместе с ней Анна Алексеевна и скрипачка Унковская, принимавшие участие на английской конвенции. Вся русская колония встречала президента с букетами цветов, а В.В. Погосская произнесла краткую приветственную речь. Наша встреча состоялась отдельно от остальных секций, и огромная русская толпа должна была произвести сильное впечатление на нашего дорогого президента.

Хотя мы жили вне Стокгольма, но благодаря удобному сообщению могли принимать участие в программе конгресса, не пропуская ничего важного, и в то же время жить в уединённом месте, переживая в спокойной тишине среди чудной природы всё то невидимое духовное, что происходило во время собраний конгресса.

Первый день, 1 июня, прошёл как обычно на теософических конгрессах, с той разницей, что на приёме Анни Безант — вместе с приветом — раздавали каждому приходившему к ней по цветку. В тот же вечер она произнесла чудесную речь о мистериях.

На второй день было торжественное открытие конгресса в прекрасном актовом зале Королевской Музыкальной Академии. Могучий мужской хор приветствовал собравшихся духовной кантатой. После обеда была два доклада, один из них А.А. «Миссия красоты в свете теософии», а вечером состоялась публичная лекция президента «Спасители мира».

Следует отметить, что в этот же день, на деловом заседании, было решено собирать международные теософические конгрессы не через год, а через два года, и посылать приглашения как д-ру Штайнеру, так и г-же Тингли.²

Стокгольмский конгресс оказался интересным во всех отношениях; не говоря уже о трёх публичных лекциях Анни Безант («Спасители мира», «Исторический Христос» и «Христос в человеке») и о докладе А.А. («Миссия красоты в свете теософии»), были интересные доклады о «Шведской мистике», о «Теософической работе в тюрьмах» В.Н. Пушкиной; исключительно интересный доклад сделала г-жа Руссак «О целении и целителях». Кроме того были доклады г-жи Блит «О звёздных символах», лекция А.В. Унковской «О цвето-звуках» и доклад Пека Эрваст «О дэвах», который к сожалению

1 *Примечание.* В Германии, ещё в начале девятисотых годов, генеральный секретарь Немецкой Секции враждебно высказывался против Анни Безант и Международного Теософического Общества. В 1913 году он «отказался признавать членов и ложи, не работающие по его методам, которые он считал лучшими для Немецкой Секции. Вместе с Советом Немецкой Секции он исключил из национального Общества членов, принадлежавших к Ордену Звезды на Востоке. Такое исключение не имело законной силы, так как никто из членов не может быть исключён за свои взгляды. Поэтому Анни Безант, как президент и по просьбе Генерального Совета, нашла, что у неё нет другого выбора, как аннулировать хартию секции. Затем она восстановила семнадцать лож, желавших работать согласно уставу Теософического Общества с д-ром Хюббе-Шляйденем как генеральным секретарём Немецкой Секции.» («Краткая история Теософического Общества», составленная Джозефин Рэнсом / Josephine Ransom, «A short history of the Theosophical Society», с. 397). — *Прим. Н. Рейнке.*

2 Кэтрин Тингли — в 1897–1929 г. президент Теософического Общества с штаб-квартирой в Пасадине (США, штат Калифорния), в 1896 г. откололся от международного Т.О. — *Прим. ред.*

для нас был недоступен, так как был сделан на финском языке.

Наша русская группа внесла много оживления в этот конгресс. Заметив среди собравшихся, особенно шведов, интерес к русской музыке, Анна Алексеевна немедленно организовала русские концерты, которые и повторялись ежедневно с 4 до 6 часов вечера в Hotel Royal, где происходили теософические собрания. Кроме исполнения русской музыки на рояле, были исполнены скрипичные вещи, а также вокальные номера и хоровое пение. Львова демонстрировала свои композиции, из которых особенно понравилась переложённая ею на музыку Бхагад-гита.

Из поездок, организованных комитетом для ознакомления со Швецией, мне особенно понравилась в Skanzen музей. Это что-то вроде постоянной этнографической выставки, оригинальная попытка дать модели национальных произведений своей страны, разбросанных среди деревьев большого парка. Там были и постройки различных веков, и особый вид скандинавских мельниц, и земледельческие орудия — всего не припомню. В этой поездке участвовала и Анни Безант, долго смотревшая на устроенные в её честь на большой деревянной эстраде национальные танцы. Её присутствие вызвало большое одушевление и в танцорах, и в зрителях. После танцев ей и всем нам предложили национальное угощение в деревянном доме-модели, необыкновенно живописном благодаря земляной крыше, покрытой естественно выросшими полевыми цветами.

4 июля вечером, после последней публичной лекции «Христос в человеке», состоялись проводы президента. Русская группа поднесла ей на дорогу корзину с фруктами.

После её отъезда мы оставались ещё три дня. 5 июля мы пригласили всех наших шведских друзей на русскую чашку чая в Hotel Royal. А.А. организовала этот наш праздник чрезвычайно удачно. Всех входивших мы встречали с приветом, вручая каждому по полевому цветку, и вся атмосфера, дружеская и одухотворённая, придавала необыкновенную прелесть нашему общению. Веджвуд (впоследствии епископ Свободно-Католической Церкви), тогда ещё молодой член Английской Секции Т.О., сказал, обращаясь ко мне: «Как вы русские умеете располагать к себе и открывать души другим! Мне в первый раз совместно за нас, англичан — мы этого не умеем».

Среди присутствовавших был молодой художник де Бильд; он произнёс вдохновенную речь в которой говорил, что на этом конгрессе перед ними шведами раскрылась русская душа — «Vous connaitre, c'est — vous aimer!»¹ — воскликнул он, широко раскрыв объятия; произошла неожиданная забавная и вместе с тем трогательная сцена: де Бильд, высокий и стройный, стоял с протянутыми руками, а А.В. Унковская, маленькая и кругленькая, бросилась в его объятия, и все присутствовавшие, глядя на них, выразили свой восторг рукоплесканиями. В этот же день в 2 часа было закрытие конгресса, сопровождавшееся хоровым пением той же торжественной кантаты.

После отъезда Анни Безант комитет конгресса просил вести собрания нашу председательницу А.А. Каменскую.

6 июля А.А. собрала всех русских для беседы о пережитых впечатлениях. На этом конгрессе было пережито много глубокого и знаменательного, но были и забавные инциденты. Г-н Хиплинг, которому была поручена забота о русских, выполнял свою роль с трогательным усердием. Каждый день рано утром начинал звонить телефонный звонок, призывавший Ц.Л. Гельмбольдт, которая представляла собой нашего «старосту», раздавался его озобоченный голос: «Wie geht's?»² и затем ряд вопросов о здоровье её, А.А. и всех остальных, хорошо ли нам,

и т.д. В последний день он пришёл, чтобы лично убедиться, всё ли у нас благополучно, и увидав Ц.Л., так расчувствовался, что пытался заключить её в свои объятия. Ц.Л., не ожидавшая такого порыва, смутилась и, отстраняясь от него, проговорила: «Aber... Herr Stokholm!»³ Думаю, что он, превратившись в «Stokholm», смутился не менее её.

7 июля мы расстались с гостеприимным Стокгольмом, и шведы, желая ещё раз выразить свои дружеские чувства к русской группе, устроили для нас прощальный завтрак на крыше «Opera Terrace».

Самое глубокое и значительное, что мы пережили во время конгресса, произошло 4 июля на утреннем собрании старших работников, происходившем на вилле Берг. А.А. организовала нашу жизнь на этой вилле таким образом, чтобы могла создаться атмосфера глубокого духовного настроения. Мы собирались каждое утро на общую медитацию, избегали всякой суеты и рассеяния, сосредоточивались внутренне на глубоком оккультном значении теософического конгресса.

Во время беседы, которую вела А.А., я, а вероятно и другие, испытала глубокое переживание, которое не берусь описывать, — так оно было необычно и непонятно для меня, но оно оставило след на всю жизнь.

Теперь я перейду к внешним событиям в Р.Т.О. до полного прекращения теософической работы на физическом плане со временем революции. Почти все эти события были враждебными нападениями на теософию, неожиданными атаками на само существование Общества; и они могли бы на время уничтожить его, если бы у нас не было такого вождя как Анна Алексеевна. Она оказалась природным воином, она никогда не отступала перед трудностями и личными опасностями, а когда они возникали, она защищала порученное ей дело с такой силой и непреклонностью, что победа оказывалась всегда за ней.

Кроме столкновений с властями приходилось вступать в борьбу и с духовными течениями, враждебно настроенными к народившемуся Теософическому Обществу. В те дни большое влияние имели два течения: одно, во главе которого стояло Петербургское Религиозно-Философское Общество. К нему примыкали многие писатели и представители науки. Другое, мистическое, носившее название «неохристиан». Примыкавшие к первому течению считали теософию неприемлемой для русской души, а неохристиане видели в ней элементы, враждебные для христианства.

В октябре 1909 года в помещении Религиозно-Философского Общества состоялся доклад А.А. о задачах теософии, в конце которого происходили прения; в них участвовали кроме А.А. и её ближайшие сотрудники, а со стороны Р.Ф.О. председательствовавший в этот день Вячеслав Иванов, Д. Философов и Д. Мережковский.

Нужно думать, что члены Р.Ф.О. имели намерение сразиться с нами в тесном кругу своих сотрудников, иначе нельзя объяснить выбранный ими день — 17 сентября, — когда празднуется память святых Веры, Надежды, Любви и Софии; эти имена — самые распространённые в нашей стране, и этот день — самый неблагоприятный для публичных выступлений, так как все заняты чувствованием бесчисленных именинниц. Кроме того, доклад был назначен на 9 ч., а состоялся только в 10.30. Мы явились вовремя, но председатель, увидев, что несмотря на именинниц, публики собралось много — вероятно, её привлекло стоявшее на повестке выступление теософов, — распорядился, чтобы сперва был прочитан длинейший доклад о внутренних делах Р.Ф.О. Интересно, что публика не разошлась, ожидая доклада А.А. и последующих прений.

1 Узнать вас — значит вас полюбить.

2 Как дела?

3 Но... господин Стокгольм!

Доклад был составлен так удачно, что заранее лишний серьезный значения все ожидавшиеся нами нападения, а до конца выдержанное спокойствие и самообладание докладчицы, как резкий контраст раздраженным и враждебным проявлениям Р.Ф.О. послужили нам на пользу. Особенно резко нападал на теософию Д.С. Мережковский; с обычной ему горячностью он обвинял теософов в том, что они *всех* любят и «готовы со всеми обниматься, даже с предателем Азефом» (в те дни общественное мнение было сильно возмущено процессом, раскрывшим преступную деятельность шпиона и предателя Азефа). Кончились эти прения тем, что из присутствовавшей аудитории, один за другим, стали подниматься голоса в защиту теософии, и последнее слово осталось за одним из неизвестных мне наших защитников, который выразил изумление, на каком основании члены такого просвещенного общества, как Религиозно-Философское, так резко нападают на учения, основанные на такой высокодуховной этике.

Мы покинули Р.Ф.О. с сознанием, что приобрели новых друзей для теософии.

В Москве состоявшийся в 1910 году диспут с неохристианами носил иной характер. Он был устроен в амфитеатре Народного Университета при большом стечении публики. Председательствовала А.А., и прения начались в назначенный час. Но первый же представитель неохристиан, попросивший слова, начал такую бесконечную речь, пополняя её ссылками на догматы христианской церкви, что председательница была вынуждена остановить его, прося дать время и для других участников прений. Остановив его, она назначила для всех остальных записавшихся ораторов не более 5 минут. Раздался протесты, недалеко от эстрады слышались иронические голоса, говорившие: «увидим, сколько времени председательница будет давать своим». Но им пришлось разочароваться: наших защитников теософии она так же беспощадно останавливала, лишь только стрелка часов показывала, что прошло 5 минут. Не знаю, какое впечатление вынесли присутствовавшие на этих прениях, но вспоминаю слова одного из самых выдающихся представителей современного православного христианства С. Булгакова. В разговоре со мной, происходившем в самом начале появления в России теософии, он сказал, что имел случай беседовать с тремя представительницами теософии и прибавил: «одно могу сказать, что ни у кого не встречал такой незыблемой веры, как у вас, теософов».

Но самое интересное из всех наших столкновений с враждебными течениями произошло на конгрессе Женского Общества в Петербурге в декабре 1910 года. Его следует отметить подробнее, потому что он состоял из наиболее передового слоя интеллигентных женщин, имевших большое влияние на общественное мнение. В означенном году все женские союзы, добивавшиеся расширения права женщин на высшее образование, объединились вокруг Женского Благотворительного Общества и решили организовать всероссийский женский съезд. Разрешение было дано после больших затруднений и усилий устроителей. А.П. Философова¹, которой принадлежала инициатива конгресса, провела широкую программу с девятью отделами, из которых один был посвящён духовным вопросам.

Теософическое Общество воспользовалось широтой программы и представило шесть докладов:

- «Народные дома» Е. Писаревой;
- «Народные университеты» А. Каменской;
- «Анкета по религиозным вопросам среди учащихся» А. Каменской;
- «Метода музыкального преподавания» А. Унковской;
- «Этические союзы молодёжи» А. Молокина;
- «Домашнее воспитание ребёнка» О. Филинчиной.

Все эти доклады были прочитаны и вызвали большой интерес, несмотря на явно отрицательное отношение некоторых позитивистски настроенных групп. Особый интерес съезда вызвала религиозная анкета, обращённая к учащимся, а также работы А.В. Унковской, которая иллюстрировала свою методу (цвет-звук-число) прелестными музыкальными вещами. Конгресс присудил ей почётный отзыв, но позже мы узнали, что её работы были признаны достойными золотой медали, которую она не получила только потому, что была членом Теософического Общества.

Зато доклад А.Каменской, доказывавший, что религиозные вопросы должны иметь своё место во всех народных университетах, вызвал настоящую бурю. Собрание вела крайняя социалистка Милокова, и она увидела в этом докладе опасную для социализма духовную ноту, призывающую к братству и терпимости. После прочтения этого доклада, когда открылись прения, часть аудитории стала бушевать и раздалась возмущённые речи против «церковности и сентиментальности» догматиков, а один из ораторов просил аудиторию обратить внимание на «мундир святейшего синода», который в действительности оказался формой горного инженера нашего члена, профессора Эрасси.

Вместо ответа на все укоры и нападки А.А. сказала, что на клевету и враждебные выступления ей не хочется отвечать, но она выражает глубокое сожаление, что передовая женская аудитория оказалась такой нетерпимой в то время, когда обсуждение религиозных вопросов было бы в высшей степени своевременно и полезно.

Когда она сошла с эстрады, председательница поспешила вызвать следующего докладчика, но внимание всей аудитории было направлено на группу выходящих из зала теософов; на всех лицах было выражение глубокого изумления, словно они спрашивали: что это за люди? откуда и кто они?

Поразило всех то, что мы отказывались от враждебной полемики и выслушав клевету, продолжали спокойно утверждать своё право на свободу мысли и совести.

В числе организаторов конгресса была наш член С.Э. Евдокимова, пользовавшаяся большим уважением среди всех общественных групп Петербурга. Глубоко возмущённая некорректностью собрания, она во время перерыва подошла к оратору, указывавшему на мундир святейшего синода, и спросила его: «Скажите, вы знаете, кто такая г-жа Каменская?» «Знаю», — ответил оратор, — «известная социалистка народной партии». — «Вы знаете, что она теософка и ничего общего со св. синодом не имеет?» — «Знаю». — «Почему же вы бросили эту фразу?» — «Так было надо», — резко сказал оратор. Из этого ответа ясно, что враждебное нападение на теософов было в программе тактики крайних прогрессивных течений.

Но кроме этих нападений со стороны нетерпимо настроенной интеллигенции, А.А. пришлось выдержать гораздо более опасное испытание, которое на этот раз шло от синодального цензора, наложившего запрет на «Вестник Теософии» и возбудившего судебный процесс против А.А. как его ответственного редактора.

По недосмотру секретаря редакции в статье Караджа не была вычеркнута резкая фраза, обвинявшая Христианскую Церковь в том, что она слишком легко приобщала к лику святых, причём были перечислены преступления византийского императора Константина.

За это цензура наложила арест на «Вестник», а А.А. была предана суду.

Суд состоялся в мае 1912 года. Прокурор обвинял А.А. в «богохульстве, святотатстве и оскорблении святых», за что полагалось заключение в Петропавловскую крепость (самую страшную из всех тюрем того времени) на один год. Прокурор настаивал на том, что подобная

¹ Самой А.П.Ф. не удалось быть на этом конгрессе. Она скончалась в том же году весной 17 марта. — Прим. авт.

статья является политическим преступлением, потрясающим основы Церкви и государства. Свидетели, члены редакции «Вестника Теософии», доказывали, что тут был недосмотр, и просили прочитать весь номер «Вестника», который может ясно доказать, каково его истинное отношение к религии. Но прокурор не разрешил прочитать хотя бы несколько выдержек из журнала. Он делал свои выводы, опираясь только на данную статью, и даже не на всю, а только на её последнюю фразу.

Защищавший А.А. адвокат Гольм предупредил, чтобы она захватила с собой необходимые туалетные принадлежности, так как в случае обвинения её могут отправить из зала суда прямо в крепость. Он горячо доказывал на суде, что обвинение составлено неправильно, и что в этом недосмотре нет состава преступления. Но прокурор продолжил настаивать на государственном преступлении и требовать, чтобы к обвиняемой была применена самая высшая мера наказания.

Под конец судебных прений было предоставлено последнее слово А.А. В те шесть минут, которыми она располагала, ей удалось сжато, но необыкновенно удачно изложить задачи теософии и направление журнала. Во имя свыше провозглашённой свободы слова и вероисповедания она выражала уверенность, что с «Вестника Теософии» будет снято тяжёлое и несправедливое обвинение.

В последующем разговоре с нами её адвокат Гольм выразил удивление, с каким искусством она защищала своё дело, и прибавил, что «адвокаты должны бы поучиться у неё, как нужно вести защиту».

После получасового обсуждения суд присяжных единогласно оправдал её.

Прибавлю, что обвиняемая и члены редакции прибыли в здание суда, ожидая своей очереди, с 9 часов утра до 8 с половиной часов вечера.

Вторая опасность для самого Русского Теософического Общества произошла позднее, уже во время войны, весной 1915 года.

Когда разразилась война, начала ходить по рукам декларация, составленная пацифистами, в числе которых были и толстовцы, стремившиеся вызвать в населении решение отказываться от воинской повинности. Как теософы, никто из нас не мог сочувствовать такому нелепому проявлению во время войны, но в нашем Обществе оказалось два толстовца, подписавшихся под декларацией пацифистов. По непонятному легкомыслию один из них в письме приятелю назначил ему свидание в редакции «Вестника Теософии».

В полиции это вызвало подозрение, что Теософическое Общество действует враждебно против правительства. И тогда, весной 1915 года, А.А. была неожиданно вызвана в III отделение Жандармского Управления, которое представляло собой тайную полицию по политическим делам. Это было одно из самых ненавистных учреждений старого режима, и никто не входил в его двери иначе, как со страхом и трепетом за свою судьбу. Зная это, верный друг и сотрудница Анны Алексеевны Ц.Л. Гельмбольдт, состоявшая секретарём Теософического Общества, решила — хотя она и не была вызвана — всё же сопровождать А.А.

Получив приглашение, они обе немедленно отправились в III Отделение. А.А. была проведена в кабинет следователя (жандармского полковника), а Ц.Л. оставили ожидать в другой комнате. На вопрос А.А., по какому делу её вызвали, следователь ничего не ответил, а пригласил её сесть у её стола и, делая вид, что не замечает её, продолжал писать. Тогда А.А. вынула из кармана Бхагавад-гиту, всегда бывшую при ней, и стала спокойно читать.

Так как III Отделение среди интеллигенции считалось таким опасным местом, откуда многие не возвращались, было совершенно естественно, что вызываемые туда находились в тревожном состоянии, и нервы их были напряжены до последней степени. Жандармский

следователь умел искусно пользоваться этим, и одним из его приёмов было — утомить свою жертву, а затем испугать её неожиданно поставленным коварным вопросом.

И в этот раз жандармский следователь долго писал, незаметно наблюдая за А.А., а она продолжала спокойно читать Бхагавад-гиту. Наконец он заговорил. После формальных вопросов о дне рождения, профессии и т.д. он внезапно произнёс незнакомую для А.А. фамилию и спросил, знает ли она такого члена Теософического Общества лично. А.А. его не знала; тогда он назвал второе имя, и этого А.А. не знала, но прибавила, что может быть эти имена и стоят в списке членов; об этом нужно справиться у секретаря, которая находится в соседней комнате. Тогда позвали Ц.Л., и она подтвердила, что такие члены были в Киевском Отделе, но они вышли из Теософического Общества. После этого жандармский полковник потребовал список членов, стал их сверять со своим списком, и не найдя в нём подозрительных имён, совершенно неожиданно спросил А.А., не знает ли она Трегубова, известного сектанта и пацифиста, считавшегося в III Отделении опасным пропагандистом. «Да, я его знаю», — ответила она спокойно. Следователь даже подскочил на стуле и начал подробно расспрашивать, как и почему она его знает. А.А. ответила, что Трегубов, как специалист по религиозным сектам, приносил в редакцию интересный материал, касающийся различных сектантских течений, и два его очерка были напечатаны в «Вестнике».

Следователь был видимо поражён, что А.А. так спокойно сознаётся о своём общении с таким опасным врагом правительства. В другой раз он так же подскочил, когда на заданный им формальный вопрос, не была ли она когда-нибудь под судом, она так же спокойно ответила: «да, была» и стала рассказывать, что произошло на судебном заседании и о своём оправдании судом присяжных. На вопрос, не скрывает ли она что-нибудь, она ответила: «Если вы познакомитесь с нашим учением, вы увидите, что мы поставили себе за правило всегда и везде говорить одну правду, хотя бы это было невыгодно и опасно для нас». — «Да, я это уже заметил», — сказал следователь.

После этого его интерес к необыкновенной свидетельнице (А.А. была вызвана как свидетельница) видимо возрастал, и он стал расспрашивать её, как относится Теософическое Общество к войне. А.А. ответила, что в мирное время теософы стремятся к водворению мира на Земле и работают в этом направлении, но когда родина в опасности, они считают своим долгом защищать её; в доказательство своих слов она сослалась на Бхагавад-гиту, бывшую у неё в руках, и объяснила жандарму, что это — одна из руководящих книг теософов, и стала излагать, что такое Курукшетра. Полковник был видимо заинтересован; он прочитал ей текст декларации против войны, подписанный толстовцами, и спросил: как же могли такие люди, как подписавшиеся, быть членами Теософического Общества? В ответ на это А.А. просила проверить этот факт у секретаря Общества. Он вызвал из соседней комнаты Ц.Л., которая рассказала ему недавний инцидент в Киевском отделе Теософического Общества. Там были двое членов толстовцев, которые предлагали теософам примкнуть к протесту. Члены Киевского отдела отказались, и оба толстовца вышли из Общества. Заметив, что следователь был удовлетворён этим объяснением, А.А. посоветовала познакомиться с «Вестником Теософии» и самому убедиться, что теософы не занимаются политикой, а стараются одухотворить земную жизнь и внести в неё более благородное настроение.

Кончился этот четырёхчасовой допрос тем, что жандарм выразил большой интерес к теософии, попросил прислать ему «Вестник теософии» и любезно выразив удовольствие, что познакомился с представительницей Общества, отпустил А.А. и Ц.Л. с глубокими поклоном.

В 1920 году, когда была прекращена деятельность всех обществ, в том числе и Теософического Общества, ночью был сделан обыск в его Центре, на Ивановской улице, и в комнате его председательницы. У явившегося судебного следователя и его помощника был ордер на арест А.А., но она в это время находилась за городом, в санатории Лесного, где только что похоронила свою мать и сама лежала больная.

Во время обыска секретарь редакции Ц.Л. Гельмбольдт проявила необыкновенное самообладание и присутствие духа, благодаря которому ей удалось спасти письма Анни Безант к А.А.; портреты Учителей остались каким-то чудом не взяты. Не знаю, как в других отделах Общества, но у нас в Калуге было то же самое. Обыск у меня произвели совершенно неожиданно, и когда очередь дошла до запечатанного ящика, где я хранила важные бумаги и портреты Учителей, все бумаги и всё содержимое ящика было взято, исключая портретов, которые так и остались нетронутыми на самом виду. Было впечатление, что они их не видели.¹

Обыск на Ивановской не обнаружил ничего опасного; тем не менее агенты ГПУ забрали много бумаг, рукописей и писем, которые были увезены в его склады.

На другой день после обыска в помещение Теософического Общества явился солдат с мандатом арестовать А.А. и привести её в ГПУ. Ц.Л. начала объяснять солдату, что А.А. вне города, лежит больная и явиться не может. Солдат оказался добродушным и посоветовал ей пойти самой и лично объяснить причину неявки призываемой. Ц.Л. немедленно отправилась в ГПУ, и не успела ещё докончить своих объяснений, как чекист начал кричать на неё и грозить, что если они будут скрываться, «обоих их отправят в Тмутаракань!». На это Ц.Л. ответила, что они и не думают скрываться, и что А.А. лежит больная в Лесном. — «Больная?! Так мы её перевезём в тюремную больницу!» — «Но вы её по этому холоду простудите, а я даю вам слово, что через неделю, когда она поправится, она сама явится к вам». В ответ на это чекист начал кричать, что такими обещаниями его не проведёшь, чтобы А.А. сейчас явилась, иначе — «обоих в Тмутаракань!». На что Ц.Л. спокойно ответила: «Ну что ж! И в Тмутаракани может быть хорошо, если человек не делал зла. Человек несёт в самом себе свет, и он светит ему повсюду». Чекист вытаращил на неё глаза, а она продолжала: «Мы не думаем скрываться; вы можете положиться на наше обещание. Если бы вы познакомились с нашим учением, вы бы знали, что мы не можем лгать. И зачем вы так кричите? Мне трудно вас слушать, а вы тратите много сил; чтобы понять друг друга, гораздо лучше говорить обыкновенным голосом, не надрываясь». После этих её слов чекист почесал затылок и сказал уже совсем другим голосом: «Это правда, это у нас такая уже привычка... Можете идти, и чтобы через неделю А.А. Каменская непременно явилась!» Когда Ц.Л. уже уходила, он спохватился и остановил её: «Стойте! Я дам вам пропуск!». Позже она узнала, что без этой бумажки её не выпустили бы.

После этого прошла неделя, и только А.А. успела вернуться из санатории, как ей была прислана повестка явиться в ГПУ самолично. Она немедленно отправилась, и её преданный друг Ц.Л. решила также идти с ней. Это было очень рискованно, так как входившие в двери ГПУ большей частью уже не выходили оттуда. При входе в помещение ГПУ, в бывшем Градоначальстве на Гороховой, стоял солдат с пушкой, дуло которой было направлено на входящих.

Их провели в кабинет следователя, а потом разделили. Ц.Л. была уведена в соседнюю комнату и каждой из них была дана печатанная анкета, на которую надо было отвечать подробно. Один из вопросов был: как вы смотрите на коммуны? Обе допрашиваемые, хотя находились

в разных комнатах, ответили почти слово в слово одно и то же: что духовная община является для теософов одним из идеалов будущего. Когда они закончили с анкетой, их опять стали допрашивать, сперва порознь, а потом вместе, стараясь ловить на каждом слове и запугивать криками и грубыми оскорблениями. Их называли «врагами народа», обвиняли в подпольных интригах, грозили тюрьмой и ссылкой, если они чистосердечно не сознаются во всех своих преступлениях. Попутно спрашивали их о друзьях и сотрудниках, стараясь добыть их имена и адреса, а так как они на эти вопросы не отвечали, раздражение следователя росло всё больше. Он начал обвинять их в саботаже и тунеядстве, на что они возразили, что хотят работать, но их отовсюду гонят и всеми способами мешают им трудиться на пользу народа. Выслушав всё это, следователь ошеломил их. Он сделал предложение А.А. стать во главе Новой Духовной Академии, где она сможет свободно пропагандировать свою теософию, но при одном условии: она должна доказывать, что Бога нет и что всякая религия есть лжеучение.

Что касается Цецилии Людвиговны, то ей был предложен, не больше и не меньше, как пост комиссара народного просвещения. Когда же она отказалась, следователь посмотрел на неё подозрительно и спросил, почему она отказывается. — «Потому», — ответила она, — что я не считаю себя подготовленной к такому важному и ответственному делу, у меня нет для этого достаточных знаний. — «Глупости!» — крикнул следователь. — «Мы берём крестьянина от сохи и ставим его на ответственный пост, и он не отказывается!» — «Потому-то он и не отказывается», — возразила Ц.Л., — «что у него нет знания и нет чувства ответственности, а у меня их достаточно, чтобы понимать, как много надо знать, чтобы годиться в комиссары народного просвещения».

А.А. тоже отказалась от предложенной ей чести и их продолжали допрашивать в продолжении пяти часов. Наконец А.А. изменила тон и резко и энергично выразила своё возмущение за то, что невинных граждан подвергают такому допросу. После этого следователь сменил тон, перестал кричать и не только отпустил их, но даже обещал вернуть им взятые при обыске документы. Получив от него пропуск, А.А. и Ц.Л. благополучно вышли из ГПУ, и из пушки в них не стреляли.

Дома их ждали перепуганные и взволнованные друзья. Радость их была велика, когда они увидели обеих, хотя и измученных, но живыми. Прибавлю, что обещание вернуть бумаги не было исполнено, и всё взятое ими так и погубило для Теософического Общества.

Через одного из друзей, имевшего доступ в соответствующие сферы, мы узнали, что хотя этот допрос и вызвал впечатление, что «теософы какие-то божьи коровки, которые вреда не принесут», но тем не менее ему дали совет, чтобы «коровки» поспешили скрыться, потому что может легко случиться, что их вызовут второй раз и тогда уже не выпустят.

После обыска помещение Теософического Общества было запечатано, а также и комната председательницы, так что фактически А.А. осталась без квартиры. Тогда она и Ц.Л. стали искать выхода, надумали уехать в деревню и устроить маленькую общину в глуши. Такие общины уже были образованы теософами в разных местах — под Москвой, в Лесном и во Владимирской губернии.

Самая интересная попытка была во Владимирской губернии в селе Караваевке, и на ней стоит остановиться. Хозяйка, сохранившая усадьбу — госпожа Зимина — пригласила А.А. и её сотрудников переселиться к ней, в её имение «Караваевку», которая находилась в тридцати верстах от Троице-Сергиевской Лавры, знаменитого монастыря, сыгравшего такую важную роль в истории России.

1 *Примечание.* На Украине общества работали до весны 1923 года, когда была объявлена перерегистрация всех обществ. В Житомире и Киеве было отказано в регистрации Теософического и Вегетарианского обществ, так как они носят «буржуазный» характер. После отказа в регистрации пришлось этим обществам прекратить свою деятельность. — *Прим. Н. Рейнке.*

А.А. приняла приглашение, и вместе с Ц.Л. и В.Н. Пушкиной доехала, хотя и с большим трудом, до Троицкой Лавры. Оттуда им пришлось ехать на крестьянской телеге, и когда они добрались до усадьбы Зиминной, расположенной среди лесов и полей, хозяйка встретила их радушно и отдала в их полное распоряжение четыре комнаты. Окна одной из них выходили в сад, была весна, цвела сирень и пели соловьи. Хороший ужин ожидал гостей, давно не видавших молока, масла и белого хлеба. Всеми этими земными благами хозяйка усадьбы, не имевшая работников, обладала потому, что крестьяне очень ценили её как врача и акушерку (она практиковала в двадцати деревнях данного округа), и в благодарность за её многолетние самоотверженные труды привозили ей муку, картофель, яйца, масло, грибы и другие продукты. Потому у неё были большие запасы продуктов, и она поделилась ими с приехавшими.

Она мечтала об устройстве теософической общины, а её муж, со своей стороны, предложил для их теософической работы «Народный дом», который он основал в Караваевке и которым заведовал. Он стоял во главе местного кооперативного движения и помог крестьянам создать ряд кооперативных предприятий: мельницу, маслобойню и сапожную мастерскую; все эти предприятия имели большой успех.

А.А. и её друзья с благодарностью приняли оба предложения и основали маленькую артель, к которой вскоре присоединились ещё пять членов Т.О., четверо из Москвы и одна, пишущая этот очерк, из Калуги.

Маленькая община заработала активно и разнообразно. Работы в доме, в саду и огороде были распределены между её членами. По воскресеньям устраивались беседы, лекции и концерты для народа. Была даже устроена выставка кустарно-художественных изделий благодаря тому, что к общине присоединился знаток этой отрасли народного труда А.Л. Погоская.

В течение всей зимы и до глубокой осени продолжалась эта многосторонняя деятельность. По вечерам община, под председательством А.А., жила глубокой духовной жизнью, разрабатывая совместно ряд духовных проблем.

Здесь перед закрытием общины закончила свою прекрасную жизнь А.Л. Погоская, и мы похоронили её тело на кладбище маленькой деревенской церкви в двух верстах от усадьбы Зиминных.

Весной в Народном Доме Караваевых был обыск, нашли несколько толстовских изданий и между ними брошюру против смертной казни, которая признана была главным поводом для обвинения друга народа Зимина в его якобы «преступной деятельности». Его жена поехала хлопотать о его освобождении и советовала друзьям раздеться. Община рассеялась в апреле 1921 года, проработав ровно год.

В начале 1917 года, когда были сняты все запрещения с частной и общественной инициативы, Р.Т.О. развило большую деятельность. Устраивались публичные собрания, лекции и собеседования как в Петербурге, так и в других отделах Общества. В ноябре 1918 года ещё состоялось последнее годовое собрание, на котором присутствовали представители всех отделов.

Но уже в начале 1919 года всякая общественная инициатива была запрещена, и Теософическое Общество должно было прекратить свою работу. Хотя официально оно было запрещено лишь в 1922 году, но уже в 1919 году были строго запрещены открытые и закрытые собрания, что привело к прекращению деятельности Общества.

В первое время члены собирались маленькими группами и продолжали работать, но в 1920 году и эти скромные попытки общения должны были прекратиться.

В сентябре 1918 года был выпущен последний номер «Вестника Теософии», в котором было начало «Эзотерического христианства» А. Безант. В том же году должна

была выйти новым изданием книжка «У ног Учителя», но на неё был наложен запрет.

В 1920 году был закрыт наш кооперативный магазин, в котором продавались теософические книги, художественные картины и крестьянские кустарные изделия. В следующем году была закрыта наша типография. В это время в типографии уже не было рабочих, и работали только члены Т.О. Им удалось ещё напечатать миниатюрное издание «Света на Пути» и несколько брошюр Союза Воспитания. Они печатали также визитные карточки, объявления и т.п., это давало Т.О. некоторый доход.

Когда закрывали нашу типографию, там работало пять членов. Их арестовали и повели в Народный Суд. Путь оказался дальний. Сначала солдаты были грубы и настроены враждебно, но по мере того, как они вели арестованных, терпеливое и доброжелательное отношение к ним теософов изменило их настроение, солдаты становились всё дружелюбнее, стали расспрашивать теософов о их деятельности и кончили тем, что поделились с ними своим хлебом и дали им ряд советов, как отвечать на суде, что говорить, и чего не касаться. Суд, начавшийся грозными криками и оскорблениями по адресу арестованных, закончился их оправданием. Члены суда были поражены их спокойствием и не только отпустили их на волю, но присудили отдать им обратно типографию и конфискованные книги. Несмотря на этот приговор типография осталась запечатанной и конфискованные книги не были возвращены.

Таким образом, все двери для активной работы были закрыты для теософов. Они пытались работать в советских учреждениях: в школах, приютах и яслях, но настолько не подходили по своему подходу к работе, что им неизменно отказывали. Как пример расскажу усилия одного из членов Калужского Отдела А.А. Фоминой работать в яслях, устроенных для пролетарских младенцев.

Хотя в то время главным контингентом служащих были люди необразованные или малограмотные (бывшие дворники, кухарки, прачки, мелкие торговки), но так как учреждения сильно увеличивались в числе, то иногда получали работу люди, принадлежавшие к культурному классу. Так попала А.А.Ф. в число заведующих детскими яслями. Я часто заходила к ней, и на моих глазах началась и кончилась печальная повесть обещанного «детского рая».

В теории была большая забота о детях. Но на практике из этого ничего не выходило. Бесчисленные приюты, ясли, детские дома устраивались очень просто. Выбирали наиболее благоустроенные особняки, забирали со своих складов конфискованные в магазинах и частных домах детские кроватки и коляски, дорожки, ковры, игрушки и другие детские принадлежности. Делали объявление об открытии яслей и приютов.

Войдя в первый раз в помещение яслей, которым заведовала А.А.Ф., я была приятно поражена. Стояла летняя пора, и в открытые высокие окна вливался яркий свет, весело освещая нарядные комнаты с белыми кроватками и дорогими коврами на блестящем паркете; и немало кроваток было уже занято принесёнными младенцами. Мы с А.А.Ф., которая обожала детей, радовались, глядя на них. Но недолго продолжалась наша радость. Прошло несколько дней, и прекратился привоз молока. А.А.Ф. побежала в соответствующее учреждение, там ей дали мандат на получение молока и послали в другое учреждение в другом конце города; здесь ей объявили, что они молоком не заведуют и послали в третье учреждение, откуда снова направили в первое, а там только беспомощно развели руками — «нет молока», «дорогой разлилось», «коровы заболели» — был обыкновенный ответ. Измученная этой бестолковой беготнёй, бедная А.А.Ф., вернувшись домой, поила младенцев ромашкой или жидким чаем. Иногда после настойчивых упрямиваний ей присылали ящики с провизией; она бросалась открывать их и вместо затребованной манной кру-

пы находила плитки шоколада, или вместо сгущённого молока — банки с вареньем. В таких условиях продолжалась её работа, а бедные малютки хирели и умирали. Кончилось тем, что матери перестали приносить своих младенцев и ясли пришлось закрыть.

Вспоминаю также попытку устроить теософическую санаторию для выздоравливающих раненых и больных. Она удалась благодаря энергии нашего вице-председателя доктора П.И. Тимофеевского, которому посчастливилось сохранить некоторое время видный пост в Комиссариате Здоровья. Санатория вышла образцовая; весь персонал состоял из теософов, и атмосфера учреждения оказалась чудесная. Больные, которым удалось попасть туда, быстро поправлялись и говорили с восторгом о проведённом там времени. Доктор Тимофеевский с помощью скрипачки Унковой ввёл в этой санатории лечение музыкой и пришёл к очень интересным выводам, которые обещали открыть новую эру в области терапии. Но через шесть месяцев такой удачной работы санатория была закрыта.

Была ещё попытка теософов устроить художественные мастерские, но на них был наложен запрет. Тогда они попробовали организовать маленькие общины в деревнях по Москве, в Лесном и во Владимирской губернии. Об этой последней попытке я уже сообщила.

Трём членам Караваевской общины — А.А. Каменской, Ц.Л. Гельмбольдт и В.Н. Пушкиной — удалось бежать за границу. Пишущая эти строки имела возможность достать заграничный паспорт и поселиться у друзей в Италии, где она продолжала теософическую работу.

А.А. и Ц.Л. удалось бежать в начале июня 1921 года через леса и болота Финляндии. Их бегство настолько интересно, что я постараюсь передать как можно точнее их рассказ об этом необычайном переживании.

В то время в Петербурге существовало несколько тайных организаций, переведивших беглецов через границу. А.А. и Ц.Л. удалось войти в сношение с одной из них (В.Н. Пушкина бежала позже). 1 июня они благополучно перешли финскую границу. План бегства был составлен такой: одна из финских молочниц, привозивших молоко в Петербург из пограничной деревни, взялась сопровождать А.А. и Ц.Л. до одной из ближайших [к границе] железнодорожных станций и затем провести их через лес к себе в деревню. Там они должны были отдохнуть, а на заре двое финских контрабандистов обязались прийти за ними, чтобы провести их через протекавшую неподалёку речку, которая отделяет Финляндию от России.

Было решено пуститься в путь 1 июня. А.А. и Ц.Л. оделись по-пролетарски, голову повязали платками, как их носят крестьянки, и с котомками через плечо, в которых находились самые необходимые туалетные принадлежности, одна перемена белья, Евангелие и Бхагавад-гита, тронулись в опасный путь.

Всё шло хорошо, пока беженки ехали по железной дороге и затем шли через лес, следуя за молочницей и делая при этом вид, что она — сама по себе и они её не знают. Но когда они были уже совсем близко от её деревни, молочница вдруг заметила на дереве какие-то знаки, указавшие ей, что поблизости находится красный патруль.

Она оставила беженок в лесу, а сама побежала в деревню. Это случилось, когда уже начало темнеть, а вскоре наступила и ночь. Когда молочница вернулась, они узнали от неё, что красноармейцы действительно вошли в деревню и идти туда было опасно. Надо было взять новый маршрут через леса и болота и обогнуть дорогу на 10 вёрст к северу. Молочница провела их в овраг, где их ждали контрабандисты, два здоровых финских молодца, а сама ушла к себе в деревню. Всю ночь до рассвета беглянки шли лесами и болотами, но ни разу не почувствовали страха или сомнения. Тёплая июньская ночь,

звёздное небо, расстилавшееся над ними и чаща лесов представлялись каким-то волшебным царством. Им казалось, что их ведёт ангел, и что несомненно всё кончится хорошо. Обе испытывали глубокий мир.

Действительно, всё шло хорошо до конца, и только в двух случаях было нарушено на короткое время их спокойное настроение. Перед выходом из леса контрабандисты вынули револьверы и потребовали немедленной уплаты, объясняя своё требование тем, что возможна встреча с патрулём, которая грозит всем им смертью, и они на всякий случай хотят обеспечить себя. Но А.А., обдумав положение, спокойно и твёрдо напомнила им, что по добровольному договору уплата должна быть *после* перехода границы, а не раньше, и вожаки подчинились. Второй тревожный момент они пережили тогда, когда стали спускаться к речке. Никого не было видно, была полная тишина, но на небе уже зажигалась заря. Спустившись к самому берегу реки и считая себя в безопасности, контрабандисты стали разуваться, чтобы босиком перейти через брод. В эту минуту Ц.Л. испугалась, ей показалось безрассудным всякое промедление, она подумала, что неожиданно — в последний миг — могут явиться красноармейцы, и бросилась в речку, не ожидая, пока контрабандисты разуются и покажут им брод. А.А. последовала за ней, и обе взобрались на тот берег совершенно измокшие, а вожаки прошли сухим путём.

Когда они переступили на финляндскую землю, А.А. перекрестилась и сказала: «Слава Богу! Мы на свободной земле!» А Ц.Л. протянула руки к покинутому берегу и со слезами произнесла: «Все наши братья остались там!».

Через час ходьбы в мокрой одежде они вошли в финскую избу, расплатились с контрабандистами и сели отдохнуть. Старая финка стала варить для них кофе, а её муж, предлагая им умыться, принёс кувшин с водой, чистое полотенце и кусок мыла — роскошь, давно уже не виданная ими. Они рассказывали, как трудно было оторваться от жбана с молоком, показавшимся им небесным нектаром, и как вкусен был кофе с белым хлебом.

После этого хозяин подал запряжённую финскую таратайку и повёз их в Териоки в карантин, который находился в 15 верстах к югу от этой финской деревни. Во время пути всё радовало взоры беглянок: и хорошо обработанная земля, и чистые домики финнов, и сытая лошадка, и стоявшие на лугах стога сена... Всё было в таком порядке, чистоте и изобилии, всё говорило о здоровой нормальной жизни.

К девяти часам утра они прибыли в карантин, где прожили в течение двух недель на даче, приспособленной для приёма беженцев. Их хорошо кормили и заботились обо всех их нуждах.

На другой день приехал в карантин генеральный секретарь Финляндской Теософической Секции доктор Сонг. Он привёз для них съестные припасы, деньги и сердечное предложение приехать в Гельсингфорс¹. Когда они, благодаря его хлопотам, получили разрешение въехать в Гельсингфорс, их встречали на железнодорожной станции финские теософы; увидев их в изодранных платьях и распадающейся обуви, многие из них взволновались до слёз.

Их устроили в хорошей комнате с чистым бельём и ванной, и они почувствовали себя, как в раю. Возможность этого рая была им дана благодаря участию финских теософов; остальные беженцы прошли через тяжёлые испытания.

В Гельсингфорсе они пробыли шесть недель и присутствовали на съезде Финской Секции. А затем поехали далее на запад, в Бельгию, надеясь попасть на международный теософический конгресс, который в том году состоялся в Париже. Прибавлю от себя, что испытать эту радость им не было суждено — они не добились вовремя французской визы.

1 Хельсинки.

Чтобы закончить свой очерк о деятельности Русской Теософической Секции до её закрытия, упомяну в нескольких словах, какую работу нам удалось сделать вне самого Теософического Общества.

Вскоре после его основания был организован «Орден Служения», который проявил особенно энергичную деятельность во время войны. Во всех провинциальных отделах Т.О. были устроены дежурства в военных госпиталях, чтение вслух для раненых и беседы с ними. В самом Петербурге Орден Служения имел девять отделов:

1) Мастерскую для шитья белья и вязанья тёплых вещей.

2) Сбор пожертвований для раненых вещами. С этой целью в помещении Т.О. открылся пункт сбора.

3) Была устроена своя кровать в Царскосельском госпитале; были дежурства в госпиталях. Несколько членов посвятили себя работе в Красном Кресте.

4) Чтение вслух для раненых.

5) Летучие библиотеки, которые раздавались и рассылались по госпиталям — с рассказами идеалистического направления, а также и теософические брошюры.

6) Группа скорой помощи. Её члены шли на всякую нужную спешную работу.

7) Статистическая группа: её члены работали при открывшихся бюро для пособий вдовам, жёнам и детям раненых и убитых.

8) «Союз Радости и Красоты». Члены этого союза посещали госпиталя, беседовали с ранеными и раздавали им цветы.

9) Группа «Трубадуры» обходила госпиталя и приюты для выздоравливающих раненых и устраивала концерты, во время которых показывались световые картины, сопровождаемые подходящей музыкой под руководством А.А. и скрипачки Унковской.

Два последних вида помощи были особенно оценены ранеными и персоналом больниц. Цветы, раздаваемые раненым и ласковые с ними беседы вызывали большую радость, а после концерта они становились спокойнее и просыпались более бодрыми.

Тот же Орден Служения имел своей задачей распространение вегетарианства.

Орден этот открыл в 1910 году на Васильевском Острове вегетарианскую столовую под руководством Б.Ю. Каляр. Эта столовая просуществовала до 1921 года, внося свои доходы в кассу Общества. Она оказала много услуг учащейся молодёжи, а также и членам Т.О., когда наступил голод. Устройтельница столовой Б.Ю. Каляр долго боролась, мужественно отстаивая нашу столовую, но далее 1921 года вести её уже оказалось невозможно.

В 1917 году Р.Т.О. устроило под Петербургом «Дом отдыха» на даче, подаренной Обществу одним из его членов. Целью этого дома было дать возможность желающим провести несколько дней в тишине и одиночестве. Этому дому было дано имя «Васанта». (К сожалению, он сгорел после недолгого существования).

В 1918 году было основано кооперативное общество «Вестник», имевшее на Литейном проспекте свои мастерские, свою типографию и свой магазин теософических книг и картин, а также кустарных художественных изделий. Девизом кооперативного общества было: «Рыцарство в торговле».

На всё это потребовались значительные средства, которые Общество получило от своего члена И.А. Анучкина. История его пожертвования настолько интересна, что её стоит рассказать. Совершенно неизвестный нам инженер Анучкин, побывав на открытом теософическом собрании, стал очень интересоваться нашими учениями. Он был в то время в полосе неудач, не находя работы, и сильно тосковал, оставаясь без дела. Присутствуя на одном из теософических собраний, он дал молчаливый обет, что если ему удастся получить выгодную работу, он будет помогать Теософическому Обществу. После этого

дня произошла резкая перемена в его судьбе. Со всех сторон появились выгодные предложения, и он в самое короткое время разбогател настолько, что мог помогать Теософическому Обществу крупными суммами. Дача «Васанта» и типография были также его подарками Обществу.

Кроме Ордена Служения внутри Теософического Общества возникли одно за другим несколько тесно связанных с ним духовных начинаний: «Религиозно-философское Объединение» представителей различных религиозно-философских течений. А.А. удалось заинтересовать нескольких представителей духовенства и философии, и первое собрание этого объединения состоялось вокруг формулы «Единство Бога, Братство Человечества, Служение миру во имя Бога».

За год до этого образовался «Союз Воспитания Свободного Человека». Девизом этого союза было: «Счастье и свобода народа зависят от внутренней культуры его граждан». Союз устраивал воскресные классы, вечерние курсы, лекции, беседы и этические курсы. Кроме того, он основал «Отдел молодёжи», который успешно работал при многих гимназиях.

Вне самого Теософического Общества А.А. с группой теософов принимала участие в различных общественных начинаниях и старалась образовать связь с передовыми духовными течениями.

Если бы революция не уничтожила всю русскую духовную культуру, можно с уверенностью сказать, что в России настал бы настоящий расцвет теософии. О нас заговорили, начали интересоваться нашими учениями, с нами стали считаться представители передового слоя русского общества, наша литература стара быстро распространяться, наши книги появились в витринах всех больших книжных магазинов. И на наших публичных вечерах и выступлениях мы имели всё больший успех. Тайна этого успеха заключалась не только в новизне учений и высоте теософических идеалов, но и в цельности настроения первых пионеров теософического движения, в их стремлении одухотворить всё, с чем соприкасались их деятельность.

Как пример вспоминается мне вечер, задуманный и устроенный А.А. в память нашей умершей вице-председательницы А.П. Философовой. Мы знали, что её имя привлечёт самую избранную публику Петербурга, и действительно, на этом вечере собрался цвет петербургского высшего общества. Нас пришли слушать люди много знающие и много видевшие, пресыщенные впечатлениями, и их нельзя было удовлетворить чем-нибудь обыденным или посредственным.

Мне лично было боязно за ту программу вечера, которую выработала А.А. По её указанию мы начали искать всюду — и у себя, и в художественных магазинах, картинки и открытки, исполненные в красках, передававшие различные моменты из жизни природы и отражающие переживания духовно пробуждённой человеческой души. Мотивы были взяты из всех веков и религиозных верований различных народов. Собралась большая коллекция, из которой были выбраны наиболее значительные художественно исполненные мотивы; к этим избранным картинам наш музыкальный отдел подобрал соответствующую музыку, частью классическую, частью собственного музыкального вдохновения.

Зала оставалась в темноте, а исполнители музыкального сопровождения оставались скрытыми от публики за драпировками и высокими растениями. Когда на экране волшебного фонаря появлялась картина, из глубины залы раздавалась музыка, которая говорила о её внутреннем смысле.

Впечатление от этого вечера превзошло все наши ожидания. Выбор картин и соответствующая музыка, будившая в душе зрителя желаемые впечатления и те мысли и чувства в полной гармонии с музыкальными

мотивами, которыми — как один человек — были одушевлены все исполнители концерта, произвели необыкновенно сильное впечатление на присутствующих.

По окончании вечера многие пожелали познакомиться с его вдохновительницей, председательницей Теософического Общества.

Пробираясь среди уходящей толпы, я внимательно прислушивалась к тому, что говорили, и слышала такие фразы: «Нужно отдать справедливость теософам, они умеют создавать настроение» ... «Это какие-то необыкновенные люди» ... «Это возрождённые пифагорейцы» ... «Нужно у них поучиться высшему искусству, как следует одухотворять искусство»...

Повторяю, публика была из той среды, которую трудно удовлетворить, и успех этого вечера заставляет думать, что если бы все духовные начинания не прекратились во время революции, как раз в то время, когда учения теософии только что начинали проникать в общественное сознание, они могли бы оказать большое влияние на духовную культуру России.

Зная это, можно подумать, что история Р.Т.О. закончилась.

Но недаром его основательница А.А. Каменская одарена свойствами «непреодолимого воина», который никогда не сдаётся и, пока в нём ещё сохранилась искра жизни, снова и снова бросается в борьбу. Немедленно, как только она спаслась бегством от преследований и обосновалась, по указанию президента Анни Безант, в Швейцарии, она стала думать о восстановлении Русского Теософического Общества за границей. Она вошла в сношение с рассеянными по всему свету русскими теософами и стала издавать маленький периодический журнал «Вестник», который должен был служить звеном для их соединения в одну сплочённую теософическую семью; затем она добилась того, что возникли в Швейцарии, Англии, Франции, Бельгии и Германии семь работающих теософических центров, необходимых для получения хартии, и в 1925 году, в дни золотого юбилея в Адьяре, она получила хартию, признающую «Русскую Секцию Теософического Общества вне России» за самостоятельную часть мирового Теософического Общества; благодаря этому А.А. могла возобновить свою деятельность генерального секретаря возрождённой на чужбине Русской Секции. В 1935 году в ней уже имелось 13 лож и много отдельных кружков в различных частях света. Десятилетие этой возрождённой Русской Секции было отпраздновано в Париже в 1933 году.

А.А. сделала всё, что возможно было сделать для возрождения теософической работы в условиях бесправия и тяжёлой нужды эмигрантского существования. Чтобы дать возможность соединиться для общей работы представителям разбросанных по Европе теософических центров, ей удалось организовать ежегодную «Русскую теософическую неделю». Не обладая никакими личными средствами, А.А. имела зато в различных европейских центрах многочисленных друзей, которые предлагали приютить приезжавших делегатов и доставлять на время русского съезда подходящее для их собраний помещение.

На этих съездах разрабатывали сообща, как когда-то в Подборках, общий план предстоящей годовой работы. Эти совместные совещания давали всему зарубежному теософическому движению новые силы и вдохновение. Кроме общей теософической работы на одном из этих ежегодных собраний возникла мысль создать «Орден Служения России», целью которого было изучение России и души её народа. Наиболее активные члены взяли углубить свою знание древней её и новой истории, её эпоса, легенд и сказок, значение её древних монастырей в развитии культуры и национальных черт её литературы и искусства.

Результатом такого изучения был ряд докладов, который рассылался во все теософические отделы.

Кроме работы с русскими теософами и порученной ей А. Безант специальной задачи в Швейцарской Секции, А.А. сумела приложить свои силы в области международных общественных задач, соприкасающихся с задачами теософии.

Одним из её первых достижений был блестяще выдержанный экзамен на доктора *des lettres*¹ при Женевском Университете. Наблюдая за тем, какое большое значение европейская публика придаёт научному цензу, она решила для поднятия ценности своей теософической работы добыть этот ценз. Весной 1926 года, после выдержанного университетского экзамена, ей предстояло защищать свою докторскую диссертацию. Своей темой она взяла «*La Bhagavad-Gita et son role dans le mouvement religieux de l'Inde*»². Диссертация оказалась такой интересной, что привлекла массу слушателей — не только из самого университета, но и из города.

Большая университетская аудитория была переполнена, и ей пришлось в течение целых четырёх часов защищаться от нападений своих оппонентов. По окончании этой битвы председатель жюри объявил, что по единогласному решению жюри он выдаёт ей с похвалой и поздравлением докторский диплом, и при этом добавил, что экзаменаторы восхищались не только серьёзностью и глубиной её ответов, но и тем, с каким спокойствием и дружелюбием она отвечала на все нападки оппонентов.

В следующем 1927 году ей было разрешено открыть в качестве приват-доцента Женевского Университета кафедру Сравнительного Изучения Религий. В 1935 году она уже читала три курса: «Сравнительное изучение религий», «Ведизм и Бхагавад-гита» и «Философия прекрасного». Особенный интерес вызывал последний, более доступный курс, который она от времени от времени иллюстрировала световыми картинками. Главная цель этого курса была выяснить существование ритма и гармонии в Природе, в искусстве и в настроении человеческой души, а также всё значение красоты для культуры и для развития верного эстетического чувства.

В 1925 году г-жа Сандерс, бывшая в Лондоне главой «World Peace Union» (Мировой Лиги Мира) предложила А.А. организовать в Женеве «Неделю мира», как подготовительную меру к моменту «Великого Молчания» в утро 11 ноября.

Начиная с этого года А.А. удалось вызвать к жизни и упрочить в Женеве чрезвычайно содержательную и популярную «Неделю мира». Но это требовало большого напряжения, а также и большого организаторского опыта. Ей приходилось каждый раз лично обходить всех представителей церкви и многочисленные в Женеве союзы и общества, объясняя им значение такой «Недели», а также привлекать к сотрудничеству выдающихся профессоров и общественных деятелей. Необходимо было также лично обращаться к министру народного просвещения для разрешения всем школам и учебным заведениям участвовать в «Великом Молчании», а также к городским и церковным властям, прося у первых содействия в прекращении уличного движения в назначенный момент 11 ноября, а у вторых — разрешения колокольного звона во всех городских церквях. (Сигнал должен был подаваться исторический колокол собора св. Петра, называемый «Clemence», так как в средние века его звон возвещал амнистию).

Вначале к поднятому А.А. движению примкнуло пять или шесть международных культурных обществ, а в 1935 году в нём участвовало 19 обществ и союзов. Подготовительная работа А.А. для организации «Недели мира» начиналась с того, что она созывала представителей примкнувших обществ и сообщала с ними составляла программу, которую они и распределяли между собой. Таким образом одно общество брало на себя день «Вос-

1 Литературы.

2 Бхагавад-гита и её роль в религиозном движении Индии.

питание и мир», другое — день «Наука и мир», третье — «Религия и мир», и т.д. Программы эти развешивались по всему городу, а сама А.А. с ближайшими сотрудниками усиленно пропагандировала смысл всеобщего молчания в течение двух минут в школах, на фабриках, в магазинах, конторах и мастерских.

Одной из главных задач для успеха «Недели мира» было привлечь известных талантливых ораторов для освещения со всех сторон важности мира и возможности поддерживать его в международном масштабе. Эта задача вполне удалась, и на приглашение А.А. отозвались такие выдающиеся ораторы как проф. Ольгермар, д-р Ланге, историк Женевского Университета проф. Ревердэн, философии и этики проф. Шода, знаменитый ботаник проф. Монс-Герцен, физик Мальт, профессор психологии, бывший министр просвещения и другие.

В 1933 году г-жа Сандерс отказалась от своего поста главы «Мировой Лиги Мира», предложив передать этот пост А.А., которая и согласилась занять его. Но ко времени 1935 года «Неделя мира» стала уже настолько значительным и популярным явлением жизни Женевы, что в кругу его высших представителей явилось желание взять его инициативу в свои руки. А.А. узнала об этом от одного из выдающихся женевских деятелей и пошла на встречу этому желанию, думая, что такая перемена будет полезна для дела, и предложила своё место всеми уважаемому проф. П. Бовэ, обещая при этом и в будущем помогать в организации «Недели мира».

Другим видом международной деятельности А.А. явилась её работа в возникшем Международном Центре Европейской Теософической Федерации.

Идея такого центра принадлежит г-же Казенс, известной в Индии общественной деятельнице, жене директора Маданпальского Колледжа — Джеймса Казенса (Dr. James H. Cousins). Она сделала доклад на конгрессе Европейской Теософической Федерации в Брюсселе в 1928 г. о важности создания международного теософического центра в Женеве, где кроме Лиги Наций существует так много научных и культурных обществ и ассоциаций (число их доходило до 77). Совет Федерации решил открыть такой центр в Женеве. Для осуществления этой попытки был избран комитет из семи человек, в который вошли А.А. и генеральный секретарь Швейцарской Секции г-жа Ролье. Когда же Казенс уехала в Индию, всё бремя устройства и ведения Центра упало на А.А.

Главной задачей возникшего Центра было, во-первых, дать благоприятные условия для встречи общественных деятелей Запада и востока, и во-вторых — создать нейтральную платформу для освещения мировых вопросов в свете теософии. С этой целью приглашались из различных европейских центров лучшие ораторы, и им предлагалось на время их пребывания в Женеве гостеприимство в Центре, который открыл свою деятельность в помещении, нанятом сообща со Швейцарской Теософической Секцией. Наряду с приезжими ораторами выступали с докладами и лекциями и швейцарские общественные деятели и учёные.

Другим общественным движением, созданным А.А. в Женеве, было образование группы «Медитации о мире». Все её начинания осуществлялись не внешними средствами, не с помощью денежных взносов, а силой её личного влияния и неистощимой энергии. Зная, какую роль могло бы иметь дружеское сближение служителей различных церквей на водворение международного мира, она задумала пригласить нескольких представителей различных вероисповеданий для совместной медитации о «Мире всего мира». Вначале участников было только пять, и они собрались в маленькой капелле Суфи; из этого скромного начала вышло уже нечто значительное, возник союз представителей различных религий под на-

званием: «Union Interconfessionnelle des Forces Religieuses»¹. Целью этого союза являлось, во-первых, братское сближение между различными религиозными движениями в Женеве, которое могло бы наглядно представить собой единый дух, живущий в разнообразии религиозных форм; во-вторых, изучение различных религий в их единой сути — одинакового стремления к жизни в духе; в-третьих, подготовка к единству действия во время «Недели мира», на конгрессах и собраниях различных религиозных ассоциаций.

В 1935 году членами этого союза состояли уже 14 представителей различных вероисповеданий; они собирались в Центре Теософического Общества еженедельно для общей медитации и ежемесячно — для совместного обсуждения различных духовных проблем, главным образом для уяснения истинной «Жизни в Духе».

В 1934 году А.А. сделала доклад на Конгрессе Мира в Локарно, доказывая важность открытия кафедры мира в университетах наиболее значительных европейских центров.

Первым шагом для осуществления этой идеи можно считать намеченную по её инициативе серию лекций в Женевском Центре Теософического Общества. Ей удалось заинтересовать трёх выдающихся профессоров, много работавших по вопросу о мире — проф. П. Бовэ, директора Института Руссо, проф. Рюйдэнс, генерального секретаря «Международного союза ассоциаций, работающих для Лиги Наций», и проф. Эрнеста Бовэ, стоящего во главе Союза Швейцарских Ассоциаций, имеющих ту же цель. Они обещали своё содействие, и в январе 1936 года состоялась серия их лекций в защиту идеи кафедры мира с точки зрения права, с точки зрения воспитания молодого поколения и с точки зрения социологических основ мира.

В конце 1935 года А.А. удалось осуществить свою давнюю мечту — соединить пропаганду теософических идей, одухотворяющих земную жизнь, с областью искусства. Как уже ранее было упомянуто, А.А. сделала несколько попыток в этом направлении. В Петербургском Отделе образовался кружок «Орфей», в котором теософы-музыканты готовили ряд концертов, исполняемых в Тенишевском Училище, а затем в школах, приютах и госпиталях. Наконец, «живописный» концерт памяти А.П. Философовой, о котором говорилось ранее.

Ещё в 1921 году А.А. основала при Швейцарской Теософической Секции музыкальный кружок, который готовил концерты для теософических праздников и устраивал музыкальные вечера в больницах, приютах и у слепых.

В 1935 году А.А. сделала попытку внести в свои две лекции «Ритм высшей жизни» и «Искусство жизни» соответствующую музыку и отрывки поэзии. В конце этого года, во время своего турне по Швейцарии, А.А. встретила выдающуюся пианистку Магду Симменс, одухотворённая игра которой, полная огня, произвела на неё сильное впечатление. Она пригласила артистку в Женеву и с её помощью попробовала дать серию вечеров, посвящённых высшей миссии музыки. На первом вечере была вступительная лекция А.А. «Миссия красоты и искусства в свете теософии», иллюстрированная концертом, исполненным Магдой Симменс. Второй концерт «Le Message de List»², начался вступительной речью А.А. о жизни и духовном подвиге Листа, которую Симменс поясняла, исполняя ряд его вещей. Закончился концерт его двумя легендами: «Святой Франциск и птицы» и «Святой Франциск, идущий по водам». Третий вечер, в котором участвовала певица Н., был посвящён Шуману и выполнен по той же программе; сперва речь А.А. о личности и творчестве Шумана, а затем лучшие образцы его музыки с комментариями А.А. Его «Взлёт души» составил как бы торжественный аккорд прекрасного вечера. Соединение чудесного одухотворённого исполнения и

1 Межконфессиональный союз религиозных сил.

2 Послание Листа.

глубоко прочувствованного пения Н. с беседой А.А. увенчалось блестящим успехом.

Рядом с этой творческой работой А.А. начала приобретать всё большую известность как оратор. Она достигла в этой области той ступени, когда оратор овладевает не только вниманием, но и душой своей аудитории. Многие, слушавшие А. Безант, утверждают, что в публичных выступлениях А.А. сильно напоминала им А. Безант. Та же ясность изложения, та же глубокая продуманность, тот же огонь и вдохновение. Но у А.А. этот дар не был врождённым, как у Безант, он явился результатом упорного труда, доступного только для неослабно и сосредоточенно устремлённой воли.

Я следила за её первыми публичными выступлениями в России и знаю, каких усилий они требовали от неё. Вначале она не решалась говорить, а читала свою речь по тетрадке, не уверенная в успехе. Так продолжалось до тех пор, пока она не забыла своё пенсне дома и была по неволе принуждена не читать, а говорить. Лекция оказалась удачной, и она больше не прибегала к записи, но заучивала свои лекции наизусть. Потом она достигла такого совершенства, что одинаково легко и свободно владела речью на четырёх европейских языках и, кроме стройности построения и значительности содержания её лекций, она умела овладеть не только вниманием своих слушателей, но и вдохновлять их, поднимать их душу на высший план.

Кроме выступлений во многих европейских столицах ей приходилось ежегодно делать лекционные туры по всей Швейцарии, а иногда и в других европейских странах. Насколько она овладела ораторским искусством, можно судить по тому, что ей приходилось по просьбе организаторов лекции перед самым выступлением менять назначенную тему на другую, или вместо французского языка излагать её по-немецки, или вместо английского говорить по-французски.

К моему рассказу о многочисленных задачах, исполненных Анной Алексеевной в её зарубежной жизни, следует добавить, что она могла их выполнить только благодаря неутомимой помощи своего преданного друга, Цецилии Людвиговны Гельмбольдт.

Я уже упоминала в первой части моего очерка о работе Ц.Л. с самого начала теософического движения в России. Она взяла на себя должность казначея и секретаря редакции, а когда А.А. попала под суд благодаря недосмотру неодобрительной характеристики византийского императора Константина, она настояла, чтобы её сделали ответственным редактором «Вестника Теософии». Она исполняла всю деловую переписку и вела корректуру; ей же приходилось вести, и всегда удачно, переговоры с цензором и полицией. Наряду с этим она принимала деятельное участие в теософической работе самого Общества. Была членом совета и редакционного комитета, принимала посетителей теософического центра, вела подготовительные курсы для вступающих в Теософическое Общество, была во главе кружка Петербургского Отдела, который изучал основные положения теософии, и была главой «Ордена служения» с самого его основания. Не один теософический съезд не обходился без её помощи. Благодаря своему такту и весёлому юмору она умела сглаживать возникавшие недоразумения и удачно организовывать съезды на физическом плане.

Когда А.А. задумала бежать из России, Ц.Л. решилась без колебания сопровождать её, и как только теософическая работа возобновилась за границей, она продолжала с неутомимой ревностью помогать А.А. Она вела деловую переписку, печатала на машинке, а когда стал издаваться «Вестник», весь главный подготовительный труд она взяла на себя. Она же помогала А.А. в организации всех русских зарубежных теософических съездов, читала лекции в русских отделах в Праге, Брюсселе, Париже, Лондоне и Женеве. В Женеве, где основалась глав-

ная квартира Русского Теософического Общества вне России, она стала во главе русской ложи «Джордано Бруно», которую и вела до конца своих дней.

Ц.Л. принимала также участие в международной работе. Когда А.А. и она поселились в Женеве, они застали Швейцарскую Секцию Теософического Общества в самом печальном и дезорганизованном виде; Ц.Л. основала в ней педагогический кружок и стала во главе швейцарского теософического Ордена Служения, принимала активное участие в работе «Круглого стола», а в 1933 году основала «тюремную группу», имевшую целью духовную помощь заключённым. Помимо всей этой работы, которую Ц.Л. исполняла на физическом плане, она, благодаря своей бодрости и безграничной преданности делу теософии, и особенно благодаря своему светлому юмору, вносила в атмосферу скромного центра Зарубежной Русской Секции Теософического Общества самые благоприятные условия для успешной духовной работы.

Читателям моего очерка жизни и деятельности Анны Алексеевны будет, вероятно, интересно узнать, как отражались на ней бедствия, которые выпали на долю русских эмигрантов. Она и Цецилия Людвиговна бежали с котомками на плечах, не имея никаких средств для дальнейшего существования. Между тем, им пришлось жить и работать для теософии в 20-х и 30-х годах текущего столетия, как раз, когда уже начали проявляться в европейских странах — и притом всё усиливаясь — тяжёлые последствия мировой войны и русской революции.

Через некоторое время после того, как они поселились в Швейцарии, возникло то угнетённое настроение и всеобщее обеднение, которое получило название мирового кризиса. Жизнь стала труднее для всех, но самые тяжёлые испытания выпали на долю тех русских эмигрантов, которые не имели в Западной Европе родных и не обеспечили себя денежными взносами в иностранные банки, а таких было огромное большинство.

Когда в приютивших эмигрантов странах начали закрываться фабрики и учреждения, прежде всех теряли заработок русские эмигранты. Лишённые всех гражданских прав, а следовательно и поддержки государства, они оказались в самом безвыходном положении; даже передвижение, необходимое для подыскания работы, было для них почти недоступно благодаря их «волчьим» паспортам, которые требовали каждый раз добывания дорогостоящей визы.

К этим обездоленным принадлежала большая часть и русских теософов.

Та же участь предстояла и А.А. и Ц.Л. У последней не было совсем заработка, а заработок А.А. как приват-доцента, благодаря тому, что преподаваемый ею предмет был доступен только немногим, и ещё потому, что по правилам Женевского Университета половина заработка приват-доцента вносится в университетскую кассу, — был настолько ничтожен, что его хватало только на покрытие месячной платы за квартиру.

Откуда же являлись необходимые средства для их существования? Эта сторона жизни А.А. граничит с чудом. Каждый раз, когда возникала нужда, откуда-нибудь появлялась и помощь. Иногда в самую последнюю минуту. Нужно думать, что какая-то незримая сила направляла эту помощь, когда в ней была нужда.

Теософическая работа А.А. вызывала необходимость передвижения не только по Швейцарии, но и в другие страны — в Англию, Францию, Бельгию, Чехословакию; в этих случаях расходы на её дорогу и гостеприимство брали на себя те секции, которые приглашали её для чтения публичных лекций или для внутренней теософической работы.

На мировом теософическом конгрессе, бывшем в 1929 году в Чикаго, в котором участвовала и она, её пригласила Американская Секция, взяв все расходы на себя.

Что касается путешествия её и Ц.Л. в Адьяр на юбилейный конгресс Теософического Общества в 1925 году, то его нужно отнести к той же области «чуда», о которой я упоминала. Таким же чудом можно считать и мои постоянные свидания с нею в Италии.

Случилось это благодаря тому, что в самом начале зарубежной жизни А.А. в 1922 году моя дочь, вышедшая замуж за итальянца, познакомила её со своим другом, членом Итальянской Теософической Секции, Диной Комессатти, с которой моя дочь жила после смерти своего мужа.

При первой же встрече с Диной Комессатти А.А. произвела на неё такое сильное впечатление, так поразила её совершенством, что для Д.К. было счастьем, когда А.А. согласилась проводить всё своё свободное время у неё в Италии. Благодаря тому, что я жила в доме Д.К., все рождественские, пасхальные и летние вакации мы проводили вместе так же, как это было в России, когда А.А. жила в Петербурге, а я в Подборках (Калужской губернии).

Моё переселение в дом Дины Комессатти произошло потому, что она знала от моей дочери, как трудна становилась для меня жизнь на родине; зная это, Д.К. стала приглашать меня переселиться к ней в Италию, и её великодушная дружба дала мне во всех отношениях прекрасный приют на все последующие дни моей жизни; и в то же время она сделала возможным возобновить общение с моим другом А.А.

Но несмотря на то, что обстоятельства А.А. сложились так благоприятно, всё же такое необеспеченное существование, какое выпало на её долю, должно было бы вызвать в ней тревогу за будущее. Здесь я подхожу к тому её свойству, которое всегда вызывало моё удивление. Подобного равнодушия к материальной стороне своей личной жизни, такого полного освобождения от всех личных земных помыслов и тревог я не встречала никогда. Естественная забота человека, не знающего, что его ожидает завтра, мысль о возможности остаться без крова, никогда не нарушала мира её души. Она по-видимому уже перешла ту ступень, на которой земные потрясения и бедствия, так ярко выраженные в «кризисе» того времени, учат и умудряют людей. Перед ней стояли иные задачи и другие испытания, которые требовали всего её внимания. Сознание истинного смысла всех земных переживаний и глубокая вера в побеждающую силу света, вот что — думается мне — помогало ей смотреть на грозную тучу, спустившуюся над миром, сохраняя свой светлый оптимизм, дававший так много помощи другим.

Что касается меня, то принимать непосредственное участие в русских теософических съездах мне не пришлось; организовать новый кружок в Италии тоже не было возможности: в Удине, где я нашла приют, оказалась только одна русская семья, совершенно не интересовавшаяся теософией. На мою долю оставалась одна литературная работа. Благодаря помощи Д.К., дававшей нужные средства, и участию П.И. Реггиса, заведующего типографией в Ревеле, который предложил безвозмездно свой труд, удалось напечатать мой перевод книги А. Безант «Эзотерическое христианство» и мою книгу «О скрытом смысле жизни». Мой перевод книги А. Безант «Введение в йогу» был издан фирмой «Петрополис» в Берлине.

Майкл Гомес

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОТОКОЛЫ ЛОЖИ БЛАВАТСКОЙ из предисловия к книге

Прибытие Е.П. Блаватской в Лондон 1 мая 1887 г. открыло новый период деятельности в истории теософического движения. Предыдущие два года она жила изолированно в Германии и Бельгии, работая над «Тайной доктриной». Лондонские члены Теософического Общества очень просили её поселиться в Лондоне, направив к ней в Остенде (Бельгия) делегацию, возглавлявшуюся 27-летним секретарём Лондонской Ложки Бертрамом Кийтли. Они упаковали её вещи и сопровождали её по пути через Ла-манш в Дувр. Она остановилась у Мэйбл Коллинз, которая была членом Лондонской ложи.

После этого дом Коллинз в южном Лондоне стал магнитом для теософов. 19 мая собравшаяся там группа решила образовать новую ложу Теософического Общества с целью вести более активную работу, чем имела место ранее — Ложу Блаватской. Напечатанные правила ложи объявляли «особой целью ложи распространять теософическое учение и Братство индивидуальной и коллективной работой её членов».

У желавших вступить в эту группу имелось несколько возможностей. Были ассоциированные, или пробные члены, которые обещали «изучать теософию, защищать её и распространять, пользуясь всяким случаем и изо всех своих сил». Для этой третьей степени даже не нужно было быть членом Теософического Общества. Члены, желавшие быть возведёнными во вторую и первую степени, должны были принести более требовательный обет, стараясь сделать теософию действенной силой в своей жизни, поддерживать теософическое движение и его лидеров, воздерживаясь от того, чтобы плохо говорить о других, бороться со своей низшей природой, быть милосердными к слабостям других, учиться и учить других, отдавая движению «время, деньги и труд».

Помимо этих дел, Блаватская была занята подготовкой «Тайной доктрины» к изданию. В сентябре 1887 г. она начала издавать ежемесячный теософический журнал «Люцифер» (Светоносец), редактируя его совместно с Мэйбл Коллинз. Скоро стало ясно, что дом Мэйбл Коллинз не может вместить всю эту деятельность, и был снят дом 17 на Лэнсдаун Роуд, в лондонском районе Ноттинг Хилл. Там у Блаватской уже была своя комната. В гостиной по четвергам проходили встречи Ложки Блаватской.

После выхода в свет «Тайной доктрины» в конце 1888 г. решили нанять стенографиста, чтобы записывать всё сказанное в дискуссиях по этой книге на вечерних встречах по четвергам, и все собрания начиная с 10 января по 20 июня 1889 г. записывались. В 1890 и 1891 г. под названием «Протоколы ложи Блаватской» были выпущены отредактированные версии первых 12 встреч. Блаватская так описывала подготовку к этим встречам в письме к своей сестре:

«Да приёмы по субботам, да митинги каждый четверг, с учёными расспросами, со стенографом за спиной, да двумя-тремя репортерами по углам, тоже время-то берут?... К каждому четвергу ведь и приготовиться надо, потому что не с улицы люди приходят, не неучи, а такие господа как электрик Кингсланд, как доктор Вильям Бенет, как натуралист Картер Блэк. Я должна быть готова защищать теорию оккультизма против прикладных наук так, чтобы по отчету стенографа прямо можно было